ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ

ИНСТИТУТ ЕВРОПЫ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ЕВРОПЕЙСКАЯ КУЛЬТУРА: ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ

МОСКВА 2014

**Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки**

**Институт Европы
Российской академии наук**

ЕВРОПЕЙСКАЯ КУЛЬТУРА:
ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ

**Доклады Института Европы
№ 302**

Москва 2014

УДК [930.85:008](4)(063)
ББК 71.045(4)я431
Е24

Редакционный совет:
Ал.А. Громыко (председатель),
Е.В. Ананьева, Ю.А. Борко,
В.В. Журкин, М.Г. Носов, В.П. Фёдоров

Под редакцией Е.В. Водопьяновой

Рецензенты:
Коробейникова Лариса Александровна, доктор философских наук
Швейцер Владимир Яковлевич, доктор исторических наук

Номер государственной регистрации: № 01200905001
«Комплексные исследования развития стран и регионов
Европейского континента на современном этапе»

В подготовке материалов к печати принимала участие
Е.В. Дрожжина

Европейская культура: вызовы современности = The European culture: the challenges of modernity / [под ред. Е.В. Водопьяновой] . – М. : Ин-т Европы РАН , 2014. – 84 с. – (Доклады Института Европы = Reports of the Institute of Europe / Федеральное гос. бюджет. учреждение науки Ин-т Европы Российской акад. наук ; № 302). – Парал. тит. л. англ. – ISBN 978-5-98163-034-7.

В основу сборника положены материалы научной конференции, проведённой в ИЕ РАН 29 января 2014 г. Состоявшийся обмен мнениями позволил рассмотреть наиболее значимые проблемы современной культурологии применительно к реалиям Старого Света. В круг обсуждаемых вопросов вошли дискуссионные проблемы мультикультурализма и методологии культурологического знания, современная трактовка термина «европейские ценности», вопросы гуманитарного диалога Европы и России, а также искусствоведческая тематика. Сборник адресован как специалистам по проблемам европейской культуры, так и широкому кругу читателей.

Мнение авторов может не совпадать с мнением редакционного совета.

ISBN 978-5-98163-034-7

© ИЕ РАН, подготовка текста, 2014

Russian Academy of Sciences

Institute of Europe RAS

THE EUROPEAN CULTURE:
THE CHALLENGES OF MODERNITY

Reports of the Institute of Europe
№ 302

Moscow 2014

Аннотация

29 января 2014 г. Институт Европы РАН совместно с ИНИОН РАН провёл научную конференцию «Европейская культура: вызовы современности». Информационным поводом для неё стал выход в свет коллективной монографии «Европейская культура: XXI век», которая стала 14 книгой в серии ИЕ РАН «Старый Свет – новые времена».

Европейские ценности между традицией и современностью, магистральные линии развития современной европейской культуры, экономизация/коммерциализация европейской культуры в XXI в., современная европейская наука в социокультурном измерении, практика европейского культурного строительства, гуманитарный диалог между Европой и Россией – таков краткий перечень проблем, находившихся в центре внимания участников конференции. При этом обсуждение культурологической проблематики носило междисциплинарный характер: в нём участвовали философы, экономисты, культурологи, политологи, специалисты по истории искусств.

Предлагаемый вниманию читателей сборник статей подготовлен на основе материалов конференции.

Annotation

On 29 January 2014 the Institute of Europe of the Russian Academy of Science together with INION RAN organized a conference «The European culture: the challenges of modernity». The event included the presentation of the collective monograph «The European Culture: XXI Century», which became the 14th in the Institute's series «The Old World – New Times».

The European values between tradition and modernity, paths of development of modern European culture, economization/commercializetion the European culture in the XXI century, the European science in socio-cultural measurements, practices of the European culture construction, humanitarian dialogue between Europe and Russia – issues discussed and debated during the conference. The event had interdisciplinary character: philosophers, economists, culturologists, political scientists and experts on history of arts expressed their views.

This collection of articles is based on the materials of the conference.

СОДЕРЖАНИЕ

Громыко Ал. А. Вступительное слово…….. 7
Савка А.В., Кучуков Р.А. Глобальный капитализм
и кризис культуры……..9
Лось В.А. Трансформация традиционных европейских
ценностей в условиях глобализации…….. 13
Николаева Е.В. Пост-постмодерн и мультифрактальная
парадигма европейской культуры в XXI веке……...19
Дринова Е.М. Европейские ценности и локальные
топосы мультикультурализма…….24
Липкин А.И. Вызов новой мультикультурности……... 31
Синдеев А.А. Политика ФРГ в сфере культуры и её
влияние на практику европейского культурного
строительства……... 35
Жукова Н.В. Эльзас в XXI веке: между Францией и
Германией……40
Терновая Л.О. Деятели культуры Восточной Европы
в политических перформативных поворотах……45
Кураш А.П. Современное кино Европы……. 50
Жукова О.А. Европейская идентичность России:
универсализм культуры и политики…….. 55
Сараф М.Я. Национальные культурные пространства
России и Франции: историческое взаимодействие……...59
Теряева Н.Ю. Международное научное сотрудничество
как часть гуманитарного диалога Европы и России…….63
Комлева В.В. Направления и условия диалога России
и Европы в области высшего образования……70
Пушкарёва Т.В. Современная историческая дидактика
в Германии и России: сравнительный анализ……... 73
Боголюбова Г.В. Культура – высшая ценность
человеческой цивилизации (взгляд из России)……78

CONTENTS

Gromyko Al. A. Introduction……7
Savka A.V., Kuchukov R.A. Global capitalism
and the crisis of culture…… 9
Los V.A. Transformation of traditional European
values in conditions of globalization…… 13
Nikolaeva E.V. The post-postmodern and multifractal
paradigm of European culture in the XXI century…….19
Drinova E.M. European values and the local toposes
of multiculturalism…….24
Lipkin A.I. Challenges of new multiculturalism…….31
Sindeev A.A. The policy of Germany in the field of culture
and its implications for European cultural construction…… 35
Zhukova H.V. Alsace in the XXI century: between France
and Germany…….. 40
Ternovaya L.O. The Eastern Europe cultural elite
in political performative turns……45
Kurash A.P. European cinema today……..... 50
Zhukova O.A. The European identity of Russia:
universalism of culture and policy……55
Saraf M.Ya. National cultural spaces of Russia and
France: historical interaction……..59
Teryaeva N.Y. International scientific cooperation
as part of the humanitarian dialogue between Europe
and Russia…….. 63
Komleva V.V. Directions and conditions of dialogue
between Russia and Europe in the field of higher education….70
Pushkareva T.V. Modern historical didactics in Germany
and Russia: comparative analysis…….. 73
Bogolyubova G.V. Culture – the supreme value
of human civilization (a view from Russia)……...78

Ал.А. Громыко[*]

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Культура есть фундаментальное понятие любой цивилизации, в том числе на её национальном и локальном субуровнях. Она не менее важна как основа идентификации и каждого отдельного человека, и социума в целом. Сущность культуры двояка – как объединяющее и разъединяющее начало одновременно. Беспрецедентный виток глобализации в последнюю четверть века поставил новые вопросы. Культура – это инструмент, с помощью которого можно с многократной силой транслировать свою систему ценностей, или она больше инструмент приспособления в глобальном мире, инструмент самозащиты, позволяющий сохранить свою идентичность от катка унификации и единообразия?

У культуры в современном мире есть, безусловно, как свои светлые, так и темные стороны. К первым, например, относится новое дыхание локальной идентичности, возможность с многократно возросшей лёгкостью продвигать свою культуру по всему миру. Ко вторым относится её повсеместная коммерциализация, омассовление, стандартизация, примитивизация, даже архаизация, иногда переходящая в варваризацию. Культурные пространства, из множества которых, наслаивающихся и пересекающихся между собой, и складывается мировая культурная сфера, испытывают на себе влияние как сил интеграции, так и фрагментации. В Евросоюзе, скажем, общепринят лозунг «единства в многообразии», применительно прежде в его к сфере культуры. На постсоветском пространстве или в Юго-Восточной Европе ранее достаточно гомогенные культурные поля прошли через этап резкой фрагментации. Таким образом, параллельно идут процессы размывания и консолидации культуры.

Но бесспорно, что мир за последние десятилетия значительно продвинулся вперед в деле терпимости к другим культурам. Есть общества более архаичные и менее; более консервативные

---

[*] Громыко Алексей Анатольевич, д.полит.н., ВРИО директора Института Европы РАН.

и более либеральные. Одни не лучше и не хуже других; просто культуры как отражения общественного сознания никогда не развивались и не будут развиваться «единым фронтом», в одном русле, с одной скоростью и в одном направлении. Всё зависит от общественного запроса. И ожидать, тем более, требовать, чтобы нововведения в одной культуре были тут же восприняты и воссозданы в другой – большое заблуждение, часто опасное. Одни культуры сумели приспособиться к миру постмодернизма, в них ссылки, скажем, на религиозную идентификацию, как в Западной Европе, стали считаться неполиткорректными. В других культурах под напором различных проявлений глобализации или вследствие внутренних причин, напротив, религиозная идентификация пережила новый подъём, как в России, или в мусульманском мире.

Отношения между культурами с точки зрения аксиологии, систем ценностей приходили в последние десятилетия на смену отношениям между идеологиями, доминирующими в прошлом столетии. Это можно равно как приветствовать, так и воспринимать достаточно осторожно. Идеологии намного чаще конфронтационнее культур, чаще являются искусственными и временными конструктами. Если культуры – почти всегда продукт «медленной истории», укоренённый в толще веков, то идеологии обычно скоротечны и конъюнктурны.

В то же время большинство культур не лишены ингредиента неприятия и неприязни к непохожим на себя; мало какие культуры изначально являются полностью открытыми и терпимыми к другим. В результате противоречия между культурами могут представлять собой более серьёзную проблему, чем противоречия между идеологиями. Ведь от идеи отказаться или адаптировать её значительно легче, чем сделать это с частью своего менталитета и самоощущения; человеку поменять свои ценности, т.е. во многом проявление своего иррационального начала, значительно труднее, чем изменить рациональную сторону своей природы, такую как мышление и рассуждения.

Проблемы могут стать ещё серьёзнее, если различия в культурах и ценностях начинают политизировать. Например, на основе тезиса о различиях в ценностях России и ряда других стран

нередко делают вывод об имманентной чужеродности России для Запада в целом и для Европейской цивилизации в частности. Логика порочная, но весьма востребованная.

Новая коллективная монография «Европейская культура в XXI веке» глубоко и всесторонне анализирует многогранный феномен культуры в современной Европе, развеивает многие мифы, показывает непреходящую важность культуры для человеческого прогресса, демонстрирует её фундаментальность и одновре́менно подверженность влиянию идей и политики.

А.В. Савка, Р.А. Кучуков*

ГЛОБАЛЬНЫЙ КАПИТАЛИЗМ И КРИЗИС КУЛЬТУРЫ

В 70-е годы XX в. была опубликована работа французского социолога А. Моля «Социодинамика культуры», в которой показано, что средства массовой коммуникации стали тотальными по воздействию на человека, а мозаичная культура противоположна гуманистической системной культуре. Первая – это идеальная среда для манипуляции. В современном глобализирующемся мире огромная концентрация СМИ делает глобализм привычной технологией PR–коммуникации продвижения мифологии глобализма, массовой культуры и формирования «массового человека». Поль Вирилио в книге «Информационная бомба. Стратегия обмана» утверждает, что «технонаука», становясь технокультурой, уже не ускоряет историю, а порождает лишённое всякого правдоподобия головокружительное ускорение реальности. История и реальность разъединяются, история растворяется в информационных потоках, бесконечно плюрализуясь в отражениях виртуальной реальности.

Вся социальная жизнь организуется вокруг потребления товаров, что приносит потребителям статус, престиж и идентичность. Люди различаются между собой количеством и видами приобретаемых товаров. В мире рекламы, маркетинга, снобиз-

* Савка Аврора Валерьевна, д.филос.н., профессор Российской академии народного хозяйства и государственной службы; Кучуков Рамазан Абсалович, д.э.н., профессор Финансового университета при Правительстве РФ.

ма не проводится различий между действительными и искусственно созданными потребностями, люди здесь даже не в состоянии представить себе иной формулы жизни. Таким образом, происходит максимальное отчуждение и реификация: предметы начинают господствовать над людьми, а люди теряют свои человеческие качества.

При этом французский теоретик Ж. Бодрийяр отмечал, что мир виртуальной реальности конституирован по весьма сомнительным принципам: «знаки» не обмениваются на «означаемое», а самоподдержание социальной системы продолжается как симуляция, скрывающая отсутствие «глубинной реальности». Социологи фиксируют синдром привлекательности виртуального мира, поскольку в нём всё дозволено, всё доступно, но главное – этот мир обладает вполне реальной силой, меняя как социальную, так и биологическую природу человека. Симуляция действительности с помощью средств массовой информации становится для людей более реальной, чем сама действительность. Люди впадают в «экстаз коммуникации», превращаясь в пассивные экраны, на которых отражается хаос впечатлений. Массы, это «тихое большинство», – так их называет Бодрийяр, – ищут не смысл, а зрелище и становятся неспособными к политическим и революционным действиям, наступает «стирание» всяких различий: классовых, расовых, экономических и т.д.

Французский социолог рисует апокалиптическую картину общества, в котором анонимные и обезличенные массы поглощают всё то, что составляет содержание понятия социального: государство, историю, народ, политику, смысл, свободу, культуру. Бодрийяр уподобляет массу гигантской «чёрной дыре», куда «проваливается социальное».

Два столетия усиленной социализации человека закончились полным провалом и сегодня «мы наблюдаем историческое вырождение социальности». Кончается эпоха идеологических битв, прогресса и демократии, творчества и просвещения, наступают времена когда миром правят предметы, иллюзии, видимость, фантазии. При этом «постисторией» Бодрийяр называет такое состояние общества, в котором актуализированы все исторические потенциальности, а, следовательно, невозможно ни-

какое подлинное новаторство. Движение мира достигает конечной стадии, когда возможности полностью нейтрализуют друг друга, порождая повсеместное безразличие, «индифферентность», превращая нашу цивилизацию в гигантскую машину, мегамашину, которая в свою очередь «гомогенизирует» все типы «различий», порождённых жизнью. «Наша революция, – пишет Ж. Бодрийяр, – это недостоверное и неопределённое. В сущности, союз науки и техники направлен на преодоление принципа реальности, в том смысле, что создаётся неочевидное… Парадокс состоит в том, что мы надеемся найти доступ к ним на основе информации и коммуникации, но при этом неопределённость отношений только увеличивается. Посылая проклятия технике с её перверсивными эффектами, человечество тем не менее вступает со своими клонами на бесконечный путь по ленте Мёбиуса»[1].

В западных странах сложилась ситуация которую Э. Гидденс и З. Бауман характеризуют понятием «зависимость». Изначально это относилось к алкоголизму и наркомании, сейчас это может коснуться любой сферы деятельности. Зависимость от покупок и желание покупать становится главной целью. Желание покупать, как и прочие разновидности зависимостей, является саморазрушительной, поскольку уничтожает возможность когда-нибудь получить удовлетворение. Причину этого Гидденс видит в том, что изменилась роль культуры. Многие сферы жизни «сегодня гораздо меньше, чем прежде, регулируются традициями и обычаями»[2].

В условиях современной глобализации человек постепенно становится рабом привычек и образа жизни, которые когда-то выбрал по доброй воле: «Мы покупаем навыки, нужные, чтобы заработать на жизнь, и средства убеждения потенциальных работодателей, доказывающие, что они у нас есть; мы покупаем имидж, который нам приглянулся, и способы заставить других поверить, что мы являемся теми, кем теперь выглядим; мы по-

---

[1] Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции. Философия эпохи постмодернизма. Минск,1996. С. 39.

[2] Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М., 2004. С. 63.

купаем способы завести новых нужных друзей и избавиться от старых, нежелательных; мы покупаем способы привлечения внимания и ухода от чужого внимания; мы покупаем средства выжать максимум удовольствия из любви и избежать «зависимости» от любимого или любящего партнёра; мы покупаем средства завоевать любовь возлюбленного и наименее дорогой способ завершения союза, когда любовь угасла и отношения перестали радовать; мы покупаем лучшие средства сохранения денег на черный день и наиболее удобный способ потратить деньги до того как мы заработаем их; мы покупаем способы более быстрого выполнения того, что должно быть выполнено, и заполнения образовавшегося свободного времени; мы покупаем наиболее аппетитную пищу и наиболее эффективную позволяющую избавиться от последствий её употребления диету; мы покупаем самые мощные стереоусилители и наиболее эффективные таблетки от головной боли»[3].

Рынок стимулирует кипучую деятельность, ускоряет обращение товаров и денег, но при этом утрачивает связь с тем, ради чего всё это должно двигаться, он «стимулирует движение ради движения». Рыночная экономика порождает мобильного индивида, который осваивает весь мир в поисках выгодных сделок. Индивид приводит в движение товары, деньги и идеи, но сегодня это похоже на то, как мотор начинает работать вразнос. Так и рынок начинает работать сам на себя и буквально всё оценивать скоростью циркуляции. Рынок уже не регулируется даже законом стоимости и сегодня мало кто понимает причины скачков финансовых индексов. Деньги, утратившие связь с материальным обеспечением, становится чисто спекулятивным знаком, символическим капиталом. Если раньше деньги обесценивались вслед за снижением материального богатства, то теперь наоборот, товары обесцениваются вследствие финансовых махинаций. Это означает, что сегодня деньги функционируют как знаки, которые уже не обеспечиваются реальной стоимостью и не регулируются трудом и богатством. Отрыв от закона стоимости приводит к тому, что экономика превращается в чистую спекуляцию производства и циркуляцию символической продукции.

[3] Бауман З. Текучая современность. СПб., 2008. С. 82.

Живя в мире симулякров, Запад в итоге породил метафизически и онтологически ущербного человека, который может управлять почти всем, кроме одного: этот человек не может управлять своим сознанием и умом, своей волей, а в итоге своим телом и своими действиями внутри страны и за её пределами. Этому человеку гораздо меньше удаётся властвовать над своими желаниями и эмоциями; поэтому вся европейская религия, право и культура заняты взращиванием средств укрощения безмерных желаний и страстей, переходящих в оргии безумствования. Ж. Бодрийяр так оценивает нынешний западный мир: «Если бы мне надо было дать название современному положению вещей, я сказал бы, что это состояние после оргии… Мы прошли всеми путями производства и скрытого сверхпроизводства предметов, символов, посланий, идеологий, наслаждений. Сегодня игра окончена – всё освобождено. И все мы задаём себе главный вопрос: что делать теперь, после оргии?»[4]. Концепции «постистории», наступления «эры симулякров» и «смерти человека», «истощения и вырождения социальности», «власть знаний» – все они отражают глубочайший кризис постмодернистского общества.

В.А. Лось*

ТРАНСФОРМАЦИЯ ТРАДИЦИОННЫХ ЕВРОПЕЙСКИХ ЦЕННОСТЕЙ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В основе мировоззренческих установок человека европейского (западного) типа лежит христианский антропоцентризм. Обозначим его базисные характеристики: доминирующий статус субъекта (человека) по отношению к объекту (природе); стремление к повышению «степени дифференциальности» научной картины мира; ориентация на деятельностную направленность человека в системе социоприродных связей и отношений.

Именно христианский антропоцентризм обеспечил истори-

---

[4] Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М., 2000. С. 7.

* Лось Виктор Анатольевич, д.филос.н., профессор Российской академии народного хозяйства и государственной службы.

ческий динамизм и эффективность цивилизации западноевропейского типа. Выделим основные направления этого процесса. К ним относятся: абсолютизация индивидуализма, в рамках которого утверждается приоритет прав личности, подкреплённых незыблемостью частнособственнических интересов; подчинённость природы и её элементов стереотипам производственно-хозяйственной деятельности социума; целенаправленная активность труда, с которым связан «обмен веществ» между человеком и природой, обеспечивающий экономический прогресс социальных систем; динамизм потребительства как форма выражения личного и цивилизационного успеха.

Эффективность и динамизм западной цивилизации обусловлен формированием специфического типа личности – экономического человека (Homo economicus). В основе его мировоззренческих установок была положена «протестантская этика», которая была связана с «духом капитализма», опираясь на принципы хозяйственности, бережливости, рациональности и т.п. И если в рамках «традиционного» типа мышления человек «работает, чтобы жить», то в стереотипах протестантизма, человек «живёт, чтобы работать» честно и производительно, преимущественно не в торговой, а производственной сфере. При этом капитализму, по М. Веберу, присущ рационализм как в хозяйственной, так и социально-политической сферах.

«Протестантская этика» в опоре на «невидимую руку рынка» под управляющим воздействием государства (Левиафана) придали импульс и последующий динамизм рыночной системе, которая с XVII в. (с начала английской промышленной революции) демонстрирует образец эффективности исторического субъекта – экономического человека. Постепенно, однако, становилось заметным, что не всё благополучно в «Датском королевстве», т.е. выявлялись негативные тенденции в динамике цивилизации западноевропейского типа, обусловленные стереотипами экономического мышления.

Конструктивный критический анализ рыночных отношений был дан и в рамках теории марксизма, которая на протяжении XIX в. и большей части XX в. довольно убедительно, как казалось, обосновывала несостоятельность западноевропейской (ка-

питалистической) модели развития, акцентируя внимание на отчуждении человека как от своей собственной сущности, так и от естественного природного окружения.

В первом десятилетии XX в. О. Шпенглер («Закат Европы») придал противоречиям западной модели развития цивилизационный уровень, прогнозируя «закат» западноевропейской цивилизации, которая интерпретируется им как «огромное засохшее дерево» в «увядающей культуре». Тезис о «завершении» («закате») цивилизации западноевропейского типа, особенно на фоне трагического окончания Первой и ощущения надвигающейся (а затем свершившейся) катастрофы Второй мировой войны, отнюдь не казался утопией.

В послевоенный период (1950–70-е гг.) в условиях западноевропейской цивилизации укрепилось мировоззрение «технического оптимизма» (позднее – «постиндустриализма».). В его рамках доказывалось, что «феномен НТР» (ныне в форме «информационной революции»), реализуемый в рамках современной цивилизации, становится тем «ключиком», которым открывается дверь в «позитивное общество» будущего.

Вместе с тем «раскручивание» потребительства неуклонно выводило «западноевропейское сознание» к пониманию «тупиковости» этого процесса. В сущности, выявлялся феномен фатальности обострения социально-экологических противоречий, когда исторически сложившаяся потребительская модель рыночных отношений не «вписывалась» в реалии традиционных природных систем, усиливая их антропогенную деградацию, угрожающую не только благосостоянию, но и выживанию человека (и человечества).

В социокультурном контексте противоречие подобного уровня рельефно обозначил Э. Фромм, сформулировав дилемму: «иметь или быть?». Иначе говоря, или сознание человека западного типа выходит на уровень «радикального гедонизма», рассматривая счастье бытия как целевую жизненную установку, или же сохраняются традиционные стереотипы (эгоизм, себялюбие, алчность), экстраполяция которых не оставляет западной социокультурной системе позитивных перспектив.

В 70-х гг. XX в. западное сознание испытало шок от фаталь-

ного вывода первого доклада Римскому клубу. Тогда с помощью методов компьютерного моделирования было показано, что сохранение сложившегося типа развития западной цивилизации (демографические показатели, стратегия экономического роста и др.) ведёт к неизбежной социально-экологической катастрофе глобальной системы «человек-социум-биосфера». Этот тренд был также подтверждён, по существу, в одном из последних докладов Римского клуба, в рамках которого современные процессы экстраполируются к середине XXI в.

Выводы алармистского характера, наряду с другими факторами, фиксирующими кризисные тенденции мировой (и, прежде всего – западноевропейской) цивилизации, оказали существенное воздействие на динамику западного сознания. Западная модель развития, для которой характерна генетическая экофобность, стала стремиться к повышению степени своей экофильности во всех, практически, сферах деятельности.

Во второй половине XX в. отчётливо проявляется экологизация индивидуального (и общественного) сознания. Человек западного типа активно и заинтересовано воспринимает остроту социально-экологических противоречий. На первичном уровне это происходит в рамках экологического образования и воспитания. Широко действует «зелёное» движение, которое стало достаточно мощной политической силой, оказывая воздействие на принятие соответствующих (экологически ориентированных) государственных решений. Западный человек не только воспринимает важность экологической проблемы, но и «индивидуально» и «социально» способствует её практическому разрешению.

Иначе говоря, в тактическом отношении западная цивилизация демонстрирует немалые позитивные возможности в преодолении обострившихся биосферных противоречий. «Богатство» развитых стран стало материальной основой, на базе которой преодолевается острота социально-экологических противоречий. Мировая статистика свидетельствует, что экологическая ситуация в большинстве европейских стран имеет активную тенденцию к улучшению.

Именно в этом контексте христианский антропоцентризм (экофобность) корректируется восточным природоцентризмом

(экофильностью), т.е. западные стереотипы приобретают выраженное социально-экологическое измерение, а восточная модель развития ассимилирует явления и вещи, связанные с вестернизацией. Это выражается, с одной стороны, в биосферной ориентации экономической модели, повышении «степени замкнутости» деятельности, экологизации западного стиля мышления и др., а с другой – в технологизации развития, восприятии вестернизационного исторического опыта и т.д. По существу, реализуется процесс «экологизации» культуры западного типа (проникновение и распространение биосферных стереотипов) и «технологизации» культуры восточного типа (использование технократических моделей развития). Именно этот процесс обусловливает смягчение остроты социально-экологической ситуации в западных регионах мира и её обострение в восточных регионах, особенно в тех из них (новые индустриальные страны), для которых характерен экономический динамизм.

К началу XXI в. выявляется историческая ограниченность представлений как о «доминировании» западноцентризма над востокоцентризмом, так и альтернативная точка зрения, т.е. представление о «превосходстве» востокоцентризма над западноцентризмом. Очевидно, что вестернизация и ориентализация – две ипостаси единого всемирного социокультурного процесса, связывающего прошлое, настоящее и будущее мировой цивилизации.

Более того, в рамках западной цивилизации подготовлен ответ на дальнейшие вызовы современной цивилизации. И это – стратегия устойчивого развития, реализуемая как выход на новые ориентиры мышления (и деятельности), обеспечивающих баланс экономических, экологических и социокультурных стереотипов.

Стратегия устойчивого развития – процесс, обозначающий выход цивилизации на уровень нового типа её функционирования, основанного на радикальных изменениях исторически сложившихся ориентиров во всех, в сущности, параметрах бытия (экономических, социальных, технологических, экологических, культурологических и др.). В рамках такого подхода ставится задача оптимального управления не только природно-ресурсным потенциалом, но и социокультурной сферой, которой рас-

полагает цивилизация на конкретном этапе всемирно-исторического развития и с учётом прогностических ориентиров. Решение задачи такого уровня и масштаба предполагает, с одной стороны, высокий социально-экономический и научно-технический уровень цивилизации, а с другой – новый тип культурных ценностей и стереотипов.

Адаптация мировой цивилизации к экологическим вызовам современности предполагает формирование экологической культуры, ориентированной на то, чтобы высокий уровень научно-технического и социально-экономического развития социума сочетался с сохранением, восстановлением и улучшением всего природно-эстетического богатства, накопленного человечеством. Экологическая культура – это основа формирования экологического типа личности, стремящейся не только к удовлетворению своих материальных потребностей, но и реализующей целевые установки в соответствии с современными эколого-культурологическими установками.

Экологическая культура – взаимосвязь экофобной западной и экофильной восточной социокультурной модели развития. Именно в рамках их взаимодействия цивилизация выходит на уровень искомого баланса элементов планетарной социоприродной системы в процессе формирования глобальной культуры как формы взаимодействия национальных и региональных структур, участвующих в диалоге культур.

На рубеже XX–XXI вв. всё отчётливее выявлялась диалогическая форма культурного взаимодействия между базисными социокультурными субъектами – цивилизациями западного и восточного типов. Более того, адекватный ответ на глобальные вызовы современности можно получить лишь в рамках систематического культурного диалога, т.е. в точках пересечения интересов, стереотипов и представлений различных культур.

Диалог – универсальный принцип, обеспечивающий социокультурный динамизм цивилизаций, в результате которого происходит духовное обогащение взаимодействующих цивилизационных систем. Именно в его рамках обеспечивается взаимосвязь европейских и внеевропейских культур, адекватная форма межнационального общения. При этом, с одной стороны, усили-

вается тенденция к сохранению национальных ценностей. Более того, культурный плюрализм (разнообразие) является существенным фактором, обеспечивающим историческую устойчивость социокультурной динамики. С другой стороны, в процессе глобализации диалог выступает как механизм межнационального и межцивилизационного взаимодействия. Вестернизация как форма проникновения западной культуры в страны Востока и ориентализация как форма проникновения восточной культуры в страны Запада – реальные процессы, обусловленные глобализацией. Диалог культур (и цивилизаций), а не конфронтация между ними обеспечивает позитивное прогностическое развитие мирового социума.

Итак, цивилизация западного типа не только выявляет имманентные противоречия, но включает механизмы их исторического преодоления. Отвечая на глобальные вызовы, западноевропейская модель развития инициирует новые модели динамизма, обеспечивающие её конструктивное функционирование в XXI столетии.

Е.В. Николаева*

ПОСТ-ПОСТМОДЕРН И МУЛЬТИФРАКТАЛЬНАЯ ПАРАДИГМА ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ В XXI ВЕКЕ

В конце XX в. в результате постмодернистского разрушения логоцентризма культуры и декларации поливалентности смыслов, деконструкции языка и эпистемологических оснований, культура превратилась в коллажную, мозаичную. А. Моль назвал «эту культуру “мозаичной”, потому что она представляется по сути своей случайной, сложенной из множества соприкасающихся, но не образующих конструкций фрагментов, где нет точек отсчёта, нет ни одного подлинно общего понятия»[5].

Затем «мозаичная» фрагментация действительности на основе самых разных паттернов нецифрового генезиса уступила

---

* Николаева Елена Валентиновна, кандидат культурологии, доцент Института социальной инженерии.

[5] Моль А. Социодинамика культуры. М., КомКнига, 2005. С. 45.

место пикселизации на основе унифицированных, не связанных между собой единичных элементов изображения и элементарных значений. Пиксель, который представляет собой технически и эстетически минимальный элемент цифровой образности и смысла, оказался визуальным воплощением зарождающейся цифровой культуры. Американский аналитик-футуролог Э. Золли, который ввёл понятие «пиксельной культуры», так обозначил её суть: «Примитивные … пиксели … отметили начало радикальной трансформации в том, как мы представляем и видим мир. <…> Они стали одновре́менно и зеркалом, и линзами, отражающими и формирующими реальность»[6]. Пиксели не обязаны комбинироваться в гармоничный, симметричный или другой геометрически/семиотически осмысленный текст; суть пиксельного сообщения в самой бессвязности, бессистемности, случайности присутствия унифицированных единиц.

Пиксель стал идеальным репрезентантом культуры, которая состоит из универсальных элементарных блоков, комбинируемых и рекомбинируемых элементарных смыслов и которая исчерпывающим образом описывается набором цифр в двоичном коде как цифровая схема всего. Но на самом деле всё возрастающая пикселизация отражает крайнюю степень «деконструкции» предыдущей культурной парадигмы, необходимую для формирования новой. Это «конец истории» не только Модерна, но и самого Постмодерна. «Состояние постмодерна», зафиксированное постфактум Ж.-Ф. Лиотаром в 1979 г., на самом деле уже незаметно переходило в «состояние пост-постмодерна», чтобы затем принять абсолютно новую форму, не связанную с проектом Модерн даже префиксами.

Пост-постмодерн рубежа XXI в. по существу – это переходное состояние культуры от линейной модели мира к нелинейной, от аналоговой к цифровой парадигме, основанной на специфических (цифровых, электронных, виртуальных и т.п.) социокультурных и технологических формах и «формулах». Миссия пост-постмодерна – быстрое и повсеместное замещение «аналоговых» алгоритмов (вос)производства социокультурных

---

[6] Zolli A. Pixel culture. American Demographics, June 2004. P. 44. (Цитата даётся в переводе Е.В. Николаевой.)

смыслов «цифровыми».

Так с середины 1970-х гг. в «хаосе» постмодерна стали всё отчётливее проявляться контуры новой картины мира как нелинейного лабиринта. Вызревавшие в латентных слоях специализированной культуры философские концепты принципиально иной семантической конфигурации стараниями европейских, по большей части французских, (пост)структуралистов/постмодернистов пробились на свет в дебрях «цветущей сложности культуры»: ризома, складка (Ж. Делез, Ф. Гваттари), гипертекст (Ж. Женнет, У. Эко и др.). По существу это было философское озарение, результатом которого стало гуманитарное описание категорий цифровой социокультурной парадигмы. Сейчас уже очевидно, что не совсем ясные, но ёмкие философские метафоры позднего постмодерна есть не что иное, как вербальные оболочки новых математических дескрипторов природного и социального мира – фракталов, мультифракталов и странных аттракторов.

Понятие «фрактал» было введено в научный оборот французским математиком Бенуа Мандельбротом, разработавшим концепцию фрактальной геометрии (1975–1982), и в самом общем виде означает структуру, части которой в некотором смысле подобны целому. Это неформальное определение, которое Б. Мандельброт дал в частной беседе, получило широкое распространение в гуманитарном дискурсе.

Несколько «вложенных» фрактальных алгоритмов в пределах одной системы образуют мультифрактал. Странный аттрактор представляет собой фрактальный пучок динамических траекторий системы любого типа – от турбулентных потоков воздуха до «циклов» истории. Особенность фрактальных структур – процессуальность, рекурсивность, бесконечность, сильная зависимость от начальных условий.

По мере того, как в 1990-х гг. идеи фрактальности вышли за рамки естественнонаучного дискурса, «фрактал» превратился в одно из наиболее популярных понятий в пост-постмодернистском исследовательском поле. Более того, фрактальная концепция начинает в определённом смысле претендовать на парадигмальный статус в культуре нового столетия: «фракталы как математические объекты получают онтологический смысл и

становятся элементами системы нелинейно-динамической картины мира»[7].

Парадигматические аксиомы цифровой культуры – визуализация цифры, оцифровка неколичественных культурных «субстанций», равнозначность формы и формулы, приоритет Цифры над Словом. Синтаксическая константа цифровой культуры – пиксель. Парадигматическая константа цифровой парадигмы – фрактал. С одной стороны, налицо упрощение «поверхностного среза» культуры, сведение качественных социокультурных характеристик к неким количественным параметрам (например, IQ или этнометрические показатели Г. Хофстеде), с другой стороны, возникает и развивается понимание социокультурного «хаоса» как структуры, упорядоченной на более высоком уровне сложности.

Формирующаяся цифровая социокультурная парадигма принесла вместе с собой технологические (компьютерные) и теоретические инструменты для её описания. Фрактальная оптика научной рефлексии инициировала «переключение гештальта на сборку нового понятия, на распознавание и интерпретацию фрактальных структур в конкретных познавательных контекстах»[8], в том числе в контексте философии культуры.

В первую очередь, это осознание фрактальных свойств любой (локальной) культуры (воспроизводство значимых социокультурных паттернов на всех уровнях культуры) и мультифрактальной сути человеческой культуры в целом. Вместо линейного, поступательного пути развития культуры обнаруживаются мультифрактальные траектории, стохастические «циклы» странных аттракторов (в том числе в виде «повторения» истории, периодического возвращения к традициям). Вместо единой европоцентристской модели – мультифрактальные сценарии развития полиэтнических культур в Европе и локальных культур в мире. Имеется в виду, что единая «формула» человеческой культуры реализуется в виде частных, в том числе муль-

---

[7] Мартынович К.А. Нелинейно-динамическая картина мира: онтологические смыслы и методологические возможности. Автореферат дисс. …кандидата философских наук. Саратов, 2011. С. 19.

[8] Введение в экранную культуру: новые аудиовизуальные технологии. Отв. ред. К.Э. Разлогов. М., Эдиториал УРСС, 2005. С. 82.

тифрактальных «алгоритмов» благодаря национальным «переменным» (параметрам порядка (Г. Хакен, О. Астафьева[9])).

Во-вторых, это понимание фрактального характера социокультурной трансмиссии: передача культурного опыта и традиций представляет собой итерационную процедуру, конечное значение (состояние культуры) есть начальное для очередного «цикла». Это значит, что изменение традиции возможно на «стыках» поколений, но в пределах фрактальной «формулы» (правил смыслопорождения и т.п.) данной культуры. При сильных, но непредельных внешних воздействиях возможны значительные стохастические «возмущения» в траекториях развития (современная Россия), при превышении критического порога устойчивости культуры происходит либо её переход на другой аттрактор (кардинальное изменение культуры, по существу – образование новой культуры) или разрушение культуры (уход с исторической сцены).

Наконец, особый интерес с точки зрения фрактальной концепции культуры представляет проблема полиэтничности и мультикультурализма. Очевидно, фрактальные связи сохраняются между культурой-«инициатором» и «отделившимися» культурами (например, Европа – Америка). Полиэтнические культуры могут существовать как мультифрактальные системы только при условии сходных фрактальных «формул» интегрирующихся культур. Именно поэтому Евросоюз имеет перспективы развития в устойчивую мультифрактальную структуру, а французская и африканская, даже существуя на одной территории, развиваются по траекториям разных аттракторов. Это связано с невозможностью перехода на другой «аттрактор» культур с сильно отличающимися параметрами порядка даже внутри одного, в данном случае, европейского «бассейна притяжения».

Таким образом, будущее европейской культуры видится в рамках мультифрактальной социокультурной парадигмы, которая предполагает не интеграцию в духе мультикультурализма,

---

[9] Астафьева О.Н. Концептуальные основания культурной политики: от теории к практике. Синергетика, нелинейная динамика и междисциплинарные исследования [Электронный ресурс]. URL: http://nonlin.ru/node/229 (дата обращения 27.01.2014).

а осуществление разных культурных алгоритмов (например, субкультурных групп, социальных страт, этнических общин) внутри фрактального аттрактора одной государствообразующей культуры и национальных европейских культур внутри европейского социокультурного мультифрактала.

Все эти обстоятельства должны учитываться в государственной культурной политике любой полиэтнической страны и проектах межгосударственных социально-политических блоков.

Е.М. Дринова*

ЕВРОПЕЙСКИЕ ЦЕННОСТИ И ЛОКАЛЬНЫЕ ТОПОСЫ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА

Одним из порождений западноевропейской цивилизации XX в. стала модель мультикультурного сообщества, которая со временем приобрела практические черты и была реализована в локальных топосах мультикультурализма. Как отмечает Е.В. Водопьянова, теоретические основания модели мультикультурализма имеют многослойный, многоплановый характер. Во-первых, это система либеральных ценностей, в русле которой постулируется идея сохранения культур меньшинств, их защиты и воспроизводства. Во-вторых, это идеи и доктрина коммунитаризма, которые противоположны и критичны в отношении теории и практики либерализма, поскольку выдвигают на первый план ценности общинных связей, а не личной свободы и независимости в рамках социума. В- третьих, идея диалога, который даёт возможность сосуществования различных этноконфессиональных культур в одном социальном пространстве[10]. По мнению Ю. Хабермаса, правовой фундамент мультикультурного сообщества основывается на фундаменте конституционализированного международного права Евросоюза.

Европейское мультикультурное сообщество представляет со-

---

* Дринова Елена Михайловна, к.филос.н., доцент Волгоградского государственного социально-педагогического университета.

[10] «Европейская культура: XXI век», под ред. Водопьяновой Е.В. М., 2013. С. 32-34.

бой разноцветную палитру локальных топосов мультикультурализма, каждый из которых имеет свою страновую специфику. Локальный топос мультикультурализма представляет собой определённую территорию, где, обособленно живёт, в чуждой для неё социально-политической и этноконфессиональной среде, диаспора, малая этническая группа, объединённая общностью языковых, ментальных, культурных, этнических и конфессиональных традиций. Специфической чертой мультикультурализма является поиск компромисса между традиционным и пришлым, миграционным культурными сообществами, которые придерживаются порой диаметрально противоположных взглядов на государственную, общественную, культурную и личную сферы.

Явление мультикультурализма сформировалось в XX в., когда на смену расово-этнической парадигме пришла новая – мультикультурная парадигма. В числе характерных черт новой мультикультурной практики выступали такие моменты, как снятие ограничений на миграцию для граждан из стран третьего мира, ассимиляция мигрантов к культурным ценностям страны, принявшей и концепты демократического сосуществования и постепенного слияния различных культур. Процессы культурной ассимиляции, охватившие практически все западноевропейские страны, ассоциируются сегодня с трансформациями самобытных этнических культур. При этом каждая самобытная культура стремится сохранить свою социокультурную, конфессиональную идентичность в мультикультурном сообществе.

В Западной Европе в многообразии топосов мультикультурализма можно выделить три основных модели: британскую, французскую и германскую. Основу британской модели составляет система либеральных ценностей. Коренные граждане и мигранты имеют равные права, члены диаспоры, как национального меньшинства, сохраняют свою национальную или расовую идентичность. Специфической чертой модели выступает отказ от политики культурной интеграции мигрантов. В Великобритании политика мультикультурализма проводилась с начала 90-х гг. XX в. Тони Блэр, лидер Лейбористской партии был одним из активных деятелей её проведения. Но после того как в 2005 г. страна пережила серию террористических актов, произошли

кардинальные изменения в практической модели мультикультурализма. Британское общество споткнулась о высокую сопротивляемость диаспор. Понимая, что политика мультикультурализма начинает давать сбои, уже в 2011 г. Д. Кэмерон объявил о несостоятельности доктрины мультикультурализма. В числе основных причин её несостоятельности, крушения идей и надежд европейских либеральных политиков были названы следующие:

– религиозная самоидентификация мигрантов. В Великобритании определенная часть молодых мусульман ассоциирует себя с традиционным исламом, сохраняя верность его обычаям и традициям. Они отказываются идентифицировать себя с народом Великобритании, не желают терять своей этноконфессиональной самобытности и не стремятся к интеграции с основным этносом. В поиске своей идентичности, через модель противопоставления Свой – Чужой, которая существует на протяжении всей истории существования человечества, эта часть молодых людей считает необходимым утверждать своё право на особое существование в новой стране силовым способом, становясь приверженцами экстремистских идеологий и практик;

– конфликт ценностных систем. Государство, опираясь на идеи мультикультурализма, поощряло представителей различных культур жить обособленно, в определённой мере существовать в отрыве от британского общества в целом. Именно государство «разрешило» исламской диаспоре сохранить свою этноконфессиональную самобытность, которая изначально не совпадала и противоречила культурным европейским ценностям. Правительство на протяжении десятков лет проводило антиассимилятивную политику, что, в конечном счёте, и стало тем фактом, что в Великобритании политика мультикультурализма в традиционном её понимании оказалась нежизнеспособной и мертворождённой. Возможно, либеральный вариант мультикультурализма в Великобритании может и сохраниться в будущем, но, видимо, только при одном условии, если члены диаспоры примут и будут разделять систему европейских ценностей.

Локальный топос мультикультурализма во Франции представляет собой вариант диаметрально противоположный британскому. В основу государственной миграционной политики во

Франции была положена модель жёсткой ассимиляции мигрантов. Теоретически, и отчасти практически, мигранты, принявшие французское гражданство обязаны принять основные республиканские принципы Франции: светский характер жизни, обязательное знание французского языка, систему национального образования и т.д.

Следует отметить, что политика культурной ассимиляции, проводимая французским правительством, дала ещё более плачевные результаты, чем британская модель. Погромы, совершённые молодыми мусульманами в пригороде Парижа в 2005 г., стали фактом переосмысления политики мультикультурализма. В настоящее время, многие государственные деятели, в том числе и бывший президент Н. Саркози, выступают за ужесточение иммиграционной политики. В числе жёстких административных мер предлагается ввести 10-летний срок для получения гражданства и введение экзамена на обязательное знание французского языка. Одной из новых черт мультикультурной практики стала интеграция религиозных деятелей, имамов, в гражданское общество. Сегодня во Франции живёт и работает более 1500 имамов, из них всего 10% являются гражданами Франции, из которых только половина говорит на французском языке. Во Франции, как, впрочем, и в других европейских странах, именно религиозные проповедники являются распространителями радикальных исламских взглядов. По этой причине интеграция имамов в демократическое общество должна быть приоритетной целью в системе государственного образования. Считается, что она может снять риск пропаганды радикальных религиозных взглядов.

Следует отметить, что правительство Франции депортировало тех имамов, которые проповедуют законы шариата, многобрачие, побивание неверных жён камнями и прочие экзотические для европейцев религиозные практики, характерные для мусульманского Востока. Председатель мусульманского Совета и ректор Великой Мечети Парижа Д. Бубакер считает, что мусульманское сообщество должно взять на себя ответственность за учёбу «отечественных» имамов. Они должны быть не только знакомы с французской жизнью, но и получить современное об-

разование, которое должно включать как светское образование в общественных науках, так и образование на основе Корана. Именно такая форма образования является лучшей гарантий «гармоничного будущего существования религии в современном и светском западном государстве»[11]. При этом возлагаются серьёзные надежды на то, что управляемый процесс интеграции имамов Франции в культурное пространство страны может стать залогом формирования и распространения либерального ислама в стране.

Третий топос мультикультурализма сложился в Германии. Специфика его существования была обусловлена проведением государственной миграционной политики. Государственная политика интеграции мигрантов в социокультурную жизнь Германии всегда включала в себя различные интеграционные курсы по изучению немецкого языка и национальной культуры. Однако суть проблемы заключается в ином. Согласно немецкому законодательству, получение гражданства является крайне затруднённой процедурой. В результате в Германии возникло большое число диаспор, искусственно изолированных от социально-политической и культурной жизни страны. Германия стала страной иммигрантов и этот факт отнюдь не радует правительство. А. Меркель, канцлер Германии, выступает за ужесточение миграционного законодательства. По её последним заявлениям для прессы и на встречах лидеров европейских стран, политика мультикультурализма в Германии провалилась.

Итак, три модели мультикультурализма, основанные на различных подходах, в конечном итоге дали один результат – политика мультикультурализа, проводимая в странах Западной Европы в течение последних трёх десятков лет показала свою неэффективность. Более того, она негативно воспринимается определённой частью коренного населения, а над Евросоюзом стали витать идеи национализма. Один из крупнейших теоретиков национализма, Э. Геллнер считает национализм закономерным проявлением высокой западноевропейской культуры. По его мнению «… национализм – это не пробуждение древней, скры-

[11] France to train imams in «French Islam», http://www.theguardian.com/world/2004/apr/23/france.islam.

той, дремлющей силы, хотя он представляет себя именно таковым. В действительности он является следствием новой формы социальной организации, опирающейся на полностью обобществлённые, централизованно воспроизводящиеся высокие культуры, каждая из которых защищена своим государством»[12].

Согласно его прогнозу, человечество было вправе ожидать, что острота националистического конфликта ослабеет, но современная политическая практика показывает иное. Рост националистических настроений в Западной Европе обусловлен не только проблемами социального неравенства. Доминантным фактором этого процесса выступают религиозные и культурные составляющие. В первую очередь – это столкновение разных ценностных систем европейской – либеральной, по большей части христианской, а с другой стороны – восточной, исламской, в значительной мере тоталитарной.

Характерной чертой христиански окрашенного национализма стал рост националистических организаций и партий, которые в своих программных документах уделяли основное внимание исламской проблеме и строили свою политику на эксплуатации идей антиисламизма. В настоящее время националистические партии, особенно религиозного толка всё активней используют провал идеологии мультикультуризма в политической борьбе за власть с демократическими партиями и правительствами. Лидеры европейских националистических партий требуют ввести запрет на миграционные процессы, обусловленные религиозной (исламской) составляющей, ужесточить миграционную политику. И они добились того, что относительно большая часть населения Европейского сообщества их поддерживает.

Во Франции активно действует партия «Национальный Фронт», которая выступает за прекращение миграции из неевропейских стран и ужесточение требований при получении гражданства. По мнению лидеров партии, гражданином Франции может стать тот, кто принимает традиционные для Франции духовные ценности, обычаи, язык, культуру. В Голландии в 2006 г. пришла к власти радикальная националистическая партия – Партия свободы. Партия ставит одной из своих приоритетных

[12] Геллнер Э. Нации и национализм. М., 1991. С. 48.

задач запрет на миграцию мусульман. В Великобритании активно действует национальные антиисламское движение – Английская лига обороны, которая декларирует себя как организацию по защите прав человека от радикального ислама. Лига была образована в Лутоне в 2009 г., поводом для её образования стали деструктивные действия небольшой группы мусульманских экстремистов.

Убийство военнослужащего Ли Ригби в Вулвиче, в Лондоне в мае 2013 г., вызвало новую волну исламофобии и очередной всплеск национализма в Великобритании. Лига вывела на улицы Лондона десятки своих соратников, которые использовали далеко не демократические методы, выступая против вторжения радикального ислама в жизнь граждан.

Английская лига обороны декларирует себя противником расизма и представляет собой многонациональное, поликонфессиональное движение. Лидеры движения утверждают, что они могли бы идти вместе с мусульманами и евреями, с теми, кто «против» «воинствующего ислама». Лига выступает против внедрения элементов шариата в Великобритании, который представляет, по их мнению, угрозу для демократии.

Английская лига обороны является радикальной националистической организацией, но в её программном документе заявлена благая цель – сохранение английской культуры, которая имеет право существовать и процветать. «… Мы признаём, что культура не является статичной, что с течением времени в ней происходят изменения, которые вносят в неё другие культуры, делая нашу общую культуру более сильной и энергичной. Но этот факт не даёт права политикам подрывать основы национальной культуры. Иммигранты должны уважать английскую культуру и не ожидать, что их культура будет предложена государственными органами как лучшая. Иностранные культуры должны адаптироваться и интегрироваться в культуру Великобритании»[13].

В своё время С. Хантингтон говорил о конфликте цивилизаций. Сегодня в эпоху глобализации речь идёт скорее о конфликте ценностных систем и о конкретном конфликте локальных

[13] English Defence League, http://englishdefenceleague.org/home/about-us.

топосов мультикультурализма и национализма. Несомненно, Европа пройдёт и это испытание, но каким будет результат? Обновление Европы и системы её ценностей или полный крах концепта мультикультурализма? Распад Евросоюза в отдалённом будущем и вновь возрождение национальных государств? Время покажет.

А.И. Липкин*

ВЫЗОВ НОВОЙ МУЛЬТИКУЛЬТУРНОСТИ

Сегодня Европа столкнулась с новым типом мультикультурности, к которой она оказалась не готова. Более того, похоже, что кардинальная разница между старой постмодернистской мультикультурностью 1960–1980-х гг. и новой мультикультурностью 2000-х гг. плохо отрефлектирована.

Чтобы адекватно понять возникающие сегодня проблемы, необходимо учитывать различие между четырьмя разными типами общностей и соответствующих им индивидов: 1) коллективистский (не-, до- или де-индивидуальный); 2) индивидуально-прагматический; 3) индивидуально-идеалистический; 4) коммунитаристский. Главная характеристика первого – пренебрежение ценностью индивидуальной жизни, это тип отношений ориентированный на коллективные действия и коллективную ответственность. Второй отвечает эгоистическому индивидуализму (часто гедонистическому), в котором индивиды связаны в общество прагматическими интересами (поэтому общество в таком состоянии неустойчиво и либо возвращается к первому, либо прорывается к третьему типу), он близок ценностям «общества потребления». Третий отвечает индивиду, ориентирующемуся в своей жизни на идеалы, которые направляют индивидуальное развитие (в отличие от норм, они предполагают «зазор» с реальностью, это поздний продукт культуры – продукт «осевого времени» К. Ясперса, предназначенный для индивида, а не коллектива). Четвёртый отвечает малой группе («друзей»)

* Липкин Аркадий Исаакович, д.филос.н, профессор Российского государственного гуманитарного университета.

внутри индивидуализированного общества, объединённых некоторой субкультурой. Представители различных западных (европейских) наций образуют в чужой стране подобные коммунитаристские группы, то есть инонациональные включения. Наиболее принципиальным является различие между первым и остальными тремя, ибо между ними есть принципиальное различие в отношении ценности индивидуальной жизни. Западные институты плохо приспособлены к сообществам, в которых индивидуальная жизнь не имеет ценности.

Западная «мультикультурность I» 1960–1980-х гг. возникла в развитых странах Запада на фоне существенного роста благосостояния и досуга, отсутствия угрозы войн и серьёзных конфликтов между европейскими национальными государствами и интенсивного перемещения граждан в пределах Европы в поисках работы (по сути, для Европы это пост-национальный феномен). «Начиная с конца 1960-х годов, – пишет М. Вевьерка, – производство культурных различий в наших обществах растёт … Чем более модерными или гипермодерными (могут сказать – постмодерными…) являются наши общества, тем сильнее тенденция изобретать различия…, используя культурные материалы, заимствованные из настоящего, прошлого, из обычаев, форм прежнего искусства, истории и т.д.»[14]. Принципиально важно для «мультикультурности I», что возникающие группы не противопоставляют себя западной системе либерально-демократических ценностей, а вписаны в неё. Все эти явления (включая споры либералов и коммунитаристов) имеют место в индивидуализированном обществе внутри европейской цивилизации, в обществе, разделяющем идеалы прав и свобод личности, демократического и светского характера государства.

Мультикультурализм – это тип политики, предназначенной для этой «мультикультурности I». Неадекватность такой политики для «мультикультурности II» 2000-х гг. кроется за горестными восклицаниями ряда лидеров западных стран: «Политика мультикультурализма провалилась!».

Во многом близка мультикультурности I глобальная муль-

---

[14] Вевьерка М.2. (2005) Формирование различий. Социс. Социологические исследования: Научный и общественно-политический журнал. № 8. С. 18-19.

тикультурность, связанная с относительно тонким, но очень влиятельным во многих сферах, включая культуру, глобальным интернациональным экстерриториальным индивидуализированным и высококультурным слоем. Место конфликта между либерализмом и коммунитаризмом здесь, похоже, занимает конфликт между глобалистами и антиглобалистами, тяготеющими, соответственно, к либералам и новым левым.

«Мультикультурность II» возникает в Европе в конце 1990-х гг. Это новый тип мультикультурности, приводящий к принципиально другой ситуации и проблемам другого уровня. Источником этих проблем стала массовая иммиграция из исламского мира, вызванная новой фазой процесса глобализации. По сути, речь идёт о процессе «глобальной урбанизации», где развитые страны играют роль города, а слаборазвитые – деревни. В результате этого процесса внутри западных обществ, особенно в мегаполисах, образовались компактные скопления бедных иноцивилизационных (по происхождению) масс с повышенным репродуктивным потенциалом, которые во втором-третьем поколении порождают острые и сложные проблемы, где пересекаются политические, социальные, демографические и международные процессы и проблемы (с ними и столкнулась современная Европа). Принципиальная разница между этим и предыдущим этапом мультикультурности состоит ещё и в том, что раньше меньшинства не претендовали ни на то, чтобы стать большинством, ни на то, чтобы диктовать другим свои порядки.

Современный процесс глобализации приводит к тому, что ни развитый Запад не может прекратить поток иммигрантов (предпринимать такие попытки, по-видимому, уже поздно, даже если бы это было возможно), ни исламский мир изолировать себя от «тлетворного», с его точки зрения, культурного влияния Запада в форме «бездуховного» «общества потребления». Старые средства изоляции здесь не работают из-за наличия современных СМИ, транспортной доступности, демократических законов. Иноцивилизационность делает эту проблему глобальной, нелокализуемой в границах государств.

Возникающее «столкновение» Европы с исламским миром можно описать с помощью следующей схемы:

M(Ma+Mb) <:::> W{(WMb + WMa) + Wa},

где W – население европейских стран западного мира[15], M – население внешнего мусульманского мира, внутри которого есть слой индивидуализированных и образованных индивидов (Ma) и коллективистский слой (Mb). WMb и WMa – это находящиеся внутри западного общества коллективистские и индивидуализированные слои, порождённые иммиграцией из исламского мира, Wa – основное население западных стран. Имеют место как связи между Ma и Mb, MWa и MWb, так и взаимодействия между Ma и MWa, Mb и MWb.

Интеграция внутри западных стран для MWa представляет менее принципиальные проблемы (типа тех, что имеют место при мультикультурности I), чем для MWb (но проблемы последних усиливают проблемы первых, потому что внутри западного общества плохо различают представителей MWa и MWb).

В случае мультикультурности II появляется место для конфликта между ценностями разных цивилизаций и между коллективистскими группами незападных цивилизаций и индивидуализированным западным миром с его идеалами и принципами. В этом конфликте возникают трудно преодолимые противоречия между коллективистским и индивидуалистическим взглядами на смысл жизни, между идеалами «потребительского общества» и «духовностью». Конфликт высших ценностей трудно решить на рациональном уровне, и он часто ведёт к войнам – пути, к которому склонны фундаменталисты всех окрасок. Другой путь решения аналогичной проблемы был продемонстрирован при окончании религиозных войн в Европе XVI в.: перемещение решения вопросов о смысле жизни в приватную сферу и постановка в центр публичной сферы общего для всех права и светского государства (а также национального единства). Но это (как и «диалог цивилизаций», и политика мультикультурализма) возможно только для индивидуализированного общества. Кроме того, для мусульман с их шариатом, связывающим право с религией, подобное решение требует какого-то реформи-

[15] Для других развитых стран схема та же, но роль «села» играют другие локальные цивилизации, например, для США это, в первую очередь, выходцы из Латинской Америки. Поэтому у Европы свой спектр проблем.

рования ислама.

С другой стороны, можно указать и на действия по реформированию европейских ценностей, которые бы способствовали ослаблению конфликта. Так из анализа ситуации, изображённой на схеме 1, вытекают два нелокализуемых внутри Европы фактора, сильно влияющие на усиление конфликта внутри Европы. Их смягчение возможно без изменений базовых европейских ценностей, хотя и очень сложно. Первое, самое трудное, ибо сегодня это составляет фундамент западной экономики и политики – отход от идеалов «общества потребления» – главного раздражителя для исламского мира. На Западе уже более века многие гуманисты и мыслители говорят об этом, как о кризисном состоянии для самого западного общества. Второе – это расширение области толерантности для незападных стран с области религий и культур на институциональные принципы, т.е. на «приказные» авторитарные системы, поскольку для незападных стран они держатся не на уровне правителя, а серьёзно укоренены снизу, что ярко демонстрируют Афганистан, Ирак и, боюсь, результаты «арабской весны».

Подводя итоги, можно сказать, что проблемы, порождённые новой «мультикультурностью II», являются серьёзным вызовом (в смысле А. Тойнби) для европейской цивилизации. И первое, что требуется – это посмотреть на неё сквозь правильную «оптику», которая позволяет увидеть принципиальную разницу между старой и новой мультикультурностью.

А.А. Синдеев*

ПОЛИТИКА ФРГ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ И ЕЁ ВЛИЯНИЕ НА ПРАКТИКУ ЕВРОПЕЙСКОГО КУЛЬТУРНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

Современная европейская культура существует среди прочего в политических рамках национальных государств. Государство выполняет, как правило, три функции: правового регулятора; активного участника политики в сфере культуры и гаранта культурного многообразия.

---

* Синдеев Алексей Александрович, д.и.н., в.н.с. Института Европы РАН.

Европейское культурное строительство, таким образом, можно интерпретировать и как сумму национальных подходов, соединение подчас различных традиций национального культурного строительства. Изучение данных подходов способно детализировать представление об институционном уровне развития европейской культуры, направлении и степени влиянии отдельных государств.

В Западной Германии после Второй мировой войны следует в этой связи принимать во внимание три особенности: первая – ответственность государства (федерации и земель) за поддержание демократической традиции; вторая – влияние земельного уровня на политику в сфере культуры; третья – сознательное упрощение деятельности фондов, спонсоров и добровольных творческих организаций.

Под демократическими ценностями в послевоенное время понимаются, вне сомнения, европейские ценности. Не случайно первый федеральный канцлер К. Аденауэр отмечал, что безопасность строится, в первую очередь, на духовно-этическом базисе, а затем уже на общих экономических и геополитических интересах. «Есть, действительно, только один путь безопасности, – уточнял Аденауэр, – и это путь сотрудничества в европейской федерации государств, имеющих равные права и обязанности … Это единственная безопасность и единственное спасение не только для Германии, но и вообще для Европы…»[16]. Таким образом, участие в развитии (западно)европейского культурного пространства не подвергалось сомнению. Оно стало политикой нового государства – Федеративной Республики Германия.

Необходимо отметить и то, что ещё с 1871 г. за политику в сфере культуры несли ответственность отдельные земли (княжества и королевства), входившие в состав Второй империи. После краха национал-социализма ситуация практически не изменилась. К тому же, земли были воссозданы раньше, чем появилось пусть и в усечённой форме западногерманское государство. Естественно, они имели больше полномочий, от которых не собирались отказываться. 18 октября 1949 г. министры зе-

[16] Цит. по: Синдеев А.А. От мировой войны к европейскому миру под эгидой Германии: «Проект Аденауэра». Монография. М., 2010. С. 138.

мель приняли решение о создании постоянной Конференции с целью согласовать воспитательные и образовательные системы, а также защищать полномочия земель в сфере культуры от посягательств со стороны федерального центра. Её решения до сих пор принимаются единогласно, а в некоторых землях требуется при претворении их в жизнь согласие земельных парламентов.

Только в 1998 г. появился уполномоченный федерального правительства по делам культуры и СМИ, в круг обязанностей которого были включены культурные организации и проекты национального значения, памятники, посвящённые жертвам нацизма и истории ГДР, а также собираемая с 1971 г. по инициативе Вилли Брандта коллекция современного искусства: собрание, размещённое в правительственных зданиях – Ведомстве канцлера, министерствах и т.п.

Одной из инициатив уполномоченного по делам культуры была попытка создать Федеральный фонд культуры, которому предполагалось передать финансирование проектов, не включённых в госбюджет. В результате спора с землями, опасавшимися ограничения полномочий, формулировка задачи Фонда была изменена на содействие в образовании инновационной сети современного искусства. По сути, речь идёт об инновационных программах и проектах, имеющих международный контекст. Годовой бюджет Фонда, который начал работать с 2002 г., составляет 35 млн евро.

В 2003 г. была создана Комиссия «Культура в Германии», которой предстояло впервые в послевоенной истории ФРГ представить доклад о положении в культуре. Она начала работу 13 октября 2003 г. В её состав вошли 11 депутатов и 11 (12) экспертов. В 2007 г. Комиссией был подготовлен доклад (512 страниц), в котором содержались и следующие рекомендации федеральному правительству и землям:

– «объединить» все задачи в сфере культуры, образовать соответствующие институты и организации;

– включить в Основной закон статью 20b, содержащую формулировку «Государство защищает культуру и содействует её развитию»;

– разработать федеральную концепцию развития культуры,

которую следует регулярно пересматривать и обнародовать в форме докладов;

– проверить возможность принятия земельных планов развития культуры;

– содействовать на основе привлекательных программ, учитывающих жизненные перспективы адресных групп, выработке межкультурных компетенций во всех сферах жизни общества;

– выступить в органах ЕС за то, чтобы культура воспоминаний и образовательные программы по правам человека заняли подобающее им место;

– поддержать запланированное ранее создание Культурного фонда ЕС и группы стран Африки, бассейна Карибского моря и Тихого океана;

– добиваться согласия в ЕС по вопросу сохранения государствами-участниками автономии в сфере культуры;

– заботиться о том, чтобы немецкие участники в переговорных процессах в Евросоюзе имели бы достаточно полномочий. «Германии, – записано в докладе, – на уровне ЕС необходимо общее, сильное представительство»;

– создать систему единой общефедеральной статистики в сфере культуры.

В рекомендациях 2007 г. очевидны две тенденции:

первая – усиление роли федерации. Инструментами при этом должны выступить общая статистика, которая позволит получать оперативную информацию о всех процессах в сфере культуре, а также планирование. Идея общей статистики высказывалась с конца 1990-х гг. При наличии федеральных планов землям пришлось бы учитывать их в собственной работе;

вторая – сохранение национальной идентичности и ограничение дальнейшего роста полномочий ЕС в сфере культуры. Не случайно применительно к ЕС федеральное правительство заинтересовано в содействии двусторонним культурным обменам, в первую очередь с Францией и Польшей.

Рост влияния федерации – процесс сложный, но неизбежный. Дипломатичные формулировки, содержащиеся в официальных документах, не должны вводить в заблуждение. Ведь ещё в 2004 г. Конференция министров в Рекомендациях, касаю-

щихся влияния демографических процессов на культуру, отмечала: расходы на учреждения культуры будут сокращаться, будут уменьшаться и предложения, ориентированные на молодёжь, но при этом спрос со стороны лиц пожилого возраста на продукты культуры будет возрастать. Появление новых мигрантов потребует учитывать в политике и эту категорию.

Косвенным подтверждением процесса унификации, который является следствием усиления роли государства, становится поиск общей картины прошлого. Аденауэр, к примеру, в недавних документальных проектах показывается без критики, выступает в качестве мудрого отца отечества, заботящего о немцах. Трёхсерийный фильм «Наши матери – наши отцы» о времени национал-социализма делает ставку на бытовые клише нормальности отдельного человека, абсолютизирует рядовые случаи дружбы немцев и евреев, представляет в целом бытовой уровень мнимой нормальности вне исторического контекста, сознательно выбирает из общего ряда сложные политические вопросы, а, по сути, способствует релятивизму в восприятии национал-социалистического прошлого теперешних немцев. Парадоксально, что, несмотря на критику польской стороны, появилась брошюра для немецких школьников, которая призвана помочь понять данный фильм в том же духе внеконтекстной нормальности и невиновности каждого отдельного человека в период нацизма. Подобных примеров за последние годы становится всё больше. Героика; бытовые клише; нормальность немцев и ненормальность окружения, к примеру, недемократической России, – лишь три черты, на которые имеет смысл обратить внимание в контексте усиления роли федерального центра в Германии. Критика этого развития затруднена, так как всегда есть возможность сослаться на творческий взгляд отдельного автора и не обращать внимания на то, что творчество в большинстве случаев реализуется за государственный счёт.

Предположим, что участие Германии в европейских проектах будет ограничено, хотя немцы не прекратят ссылаться на европейскую идентичность. В её развитии активная роль немцев станет возможна только после соответствующих, отмеченных выше изменений в законодательстве. До этого придётся

ожидать поддержания существующих механизмов и проектов. При этом немцы усиливают – не утверждаем, что это делается целенаправленно – своё культурное влияние в Европе. Примером, доказывающим последний тезис, является борьба за распространение дуальной системы образования в ЕС.

С учётом анализа положения дел во всех странах-участницах, можно утверждать, что ситуация применительно к практике европейского культурного строительства предстанет ещё сложнее.

В заключение важно обратить внимание на следующее:

1) политики и чиновники не видят опасности для культуры в её массовости. Более того, они давно привыкли к массовым формам мобилизации. Не стоит забывать, что в Германии только около 25% населения имеет высшее образование;

2) технологический вызов воспринимается ими как возможный успех;

3) постмодернизм также не считается серьёзной опасностью. Его можно легко использовать для обоснования значимости общих представлений и поддержки определённых – желаемых – форм культуры.

Очевидно, что понимание учёных и политиков отличается. Но не произойдёт ли в ходе так называемой реакции на усложнение общественной структуры поощряемая государством унификация культурных практик? На этот вопрос пока однозначного ответа нет.

Н.В. Жукова*

ЭЛЬЗАС В XXI ВЕКЕ: МЕЖДУ ФРАНЦИЕЙ И ГЕРМАНИЕЙ

С 1949 г. столица Эльзаса является местом заседания Совета Европы, одной из целей которого является пропаганда и развитие культурной самобытности и культурного многообразия. В ответ на нарастание общественных и политических конфлик-

* Жукова Наталья Владимировна, к.филос.н., старший преподаватель НИУ Высшая школа экономики.

тов, усугубляемых культурными различиями, Совет Европы выступил инициатором проекта «Диалог культур и предотвращение конфликтов», призванного содействовать участию государственных, региональных и местных руководителей, общественных организаций, деятелей культуры в мероприятиях по укреплению взаимопонимания между различными культурными, социальными и религиозными группами, разрешению конфликтов и примирению между ними[17].

Таким образом, город, издревле бывший связующим звеном между державами, определявшими политический климат континента, таковым и остался. Теперь Эльзас соединяет народы Франции и Германии, двух самых крупных держав Европейского Союза.

Ни один народ не может существовать и развиваться изолированно от своих соседей. Наиболее тесное общение соседних этносов происходит на стыке этнических территорий, где этнокультурные связи приобретают наибольшую интенсивность. Контакты между народами всегда были мощным стимулом исторического процесса. С момента становления первых этнических общностей древности главные центры развития человеческой культуры были на этнических перекрестках – зонах, где сталкивались и взаимно обогащались традиции разных народов. Диалог культур – это межэтнические, межнациональные контакты. Диалог соседствующих культур является важным фактором в регулировании межэтнических отношений.

Если Эльзас является французским с политической точки зрения, то с культурной точки зрения он остаётся в большей степени германским, и «он будет тем более стремиться к родине, которую нежно любит, которая сможет с уважением отнестись к сложной природе Эльзаса»[18].

Эльзас является эпицентром взрывов, которые сотрясали европейский континент на протяжении двух тысячелетий. Эльзас остаётся красивым, созидательным, плодородным благодаря трудолюбию, способностям и настойчивости его жителей. Это

---

[17] Официальный сайт Совета Европы на русском языке. [Электронный ресурс]. URL: http://www.coe.int/lportal/ru/web/coe-portal.
[18] Hoffet F. Psychanalyse de l'Alsace. Strasbourg: Editions Corpus, Alsatia, 2008.

достижение ещё тем более удивительно, что оно противостояло алчности и воинственной агрессии соседних государств, а также интересам стран более отдалённых. История Эльзаса соответствует амбивалентности людей, которые её творили, смешивая на этой земле, больше, чем где бы то ни было, благородство и жестокость[19].

Эльзасское самосознание противилось националистским присоединениям. За счёт своего двойного происхождения эльзасская провинция – особая земля, которая хорошо чувствует себя в своей двойственности. Современные жители Эльзаса сохраняют эту многовековую преданность, которая объясняет их локальные особенности. Они усердно хранят свой язык, свою религиозную двойственность, мучительные воспоминания. Они гордятся своими пейзажами, возделанными с любовью, своими городскими и сельскими традициями, преумножают число кулинарных рецептов. Эльзасцы реализовали своё желание длительного существования административных, юридических и религиозных особенностей, которые противостояли французским обычаям.

В своей работе «Психоанализ Эльзаса» Фредерик Оффе говорит о необходимости классификации идентичности эльзасцев и необходимости анализа самых ярких составляющих их самосознания. Он отмечает двойственность происхождения эльзасского народа: германское и латинское, что ляжет в основу комплекса эльзасца: боязнь своей собственной идентичности. «Эльзасец обладает достоинствами и недостатками, которые обычно приписывают немцам: любовь к хорошо выполненной работе, медлительность, педантичность, опрятность, уважение к субординации, врождённая любовь к начальству»[20].

Эльзас – один из наиболее консервативных регионов Франции. Страхи, страдания и неуверенность, связанные с выбором страны, продолжали жить в сознании эльзасцев. Этому нет лучшего доказательства, чем привязанность эльзасцев к партии «Национальный фронт». Голосование в Эльзасе может показаться консервативным, отказом от модернизации, индустриализации,

---

[19] Meyer Ph. Histoire de l'Alsace. Paris, Editions Perrin, 2008.
[20] Hoffet F. Psychanalyse de l'Alsace. Strasbourg: Editions Corpus, Alsatia, 2008.

от беспорядков в пригородах, от ностальгии по величию Франции, которой отныне Эльзас полностью принадлежит[21]. Утверждалось, что голосование за Национальный фронт может вызвать новую волну опасений у немецкого соседа, от которого Эльзас сильно зависит: немецкая промышленность располагается в данном регионе, некоторые немцы приобрели здесь землю в собственность, около 60000 эльзасцев ежедневно пересекают границу, чтобы работать в Германии и в Швейцарии[22]. Наконец, была выдвинута гипотеза о возрождении автономии со стремлением прикрепиться к более могущественному немецкому соседу. Объяснение результатов голосования могло бы быть в реальности совсем иным, раскрывая не желание снова обрести утерянную эльзасскую идентичность, но стремление к новой принадлежности.

Эльзасцы не могут справиться с неразрешимой дилеммой своего происхождения: являются ли они наполовину французами, наполовину немцами, либо ни французами, ни немцами? Они обеспокоены упадком своих традиций, диалекта, церкви, соблазном долгосрочного существования в составе Германии, отказом от присоединения со стороны французского государства под предлогом увеличивающейся децентрализации. Кто они, в конце концов? Исчезает ли их прежняя идентичность, не найдя взамен другой, более подходящей?[23]

Анси – псевдоним эльзасского художника по имени Жан-Жак Вальц, который родился и умер в Кольмаре. Анси был ярким сатирическим иллюстратором, карикатуристом и бытописателем, героем двух мировых войн, патриотом Франции. В своих работах он едко высмеивал немецких оккупантов, захвативших Эльзас за два года до его рождения. Сегодня рисунки Анси считаются квинтэссенцией эльзасского фольклора, книги с репродукциями его работ растиражированы в огромных количествах, повсеместно продаются открытки с его рисунками, керамические изделия и прочие предметы быта, украшенные его

---

[21] Meyer Ph. Histoire de l'Alsace. Paris, Editions Perrin, 2008.
[22] INSEE (Национальный институт статистики и экономических исследований). [Электронный ресурс]. URL: http://www.insee.fr.
[23] Meyer Ph. Histoire de l'Alsace. Paris, Editions Perrin, 2008.

иллюстрациями.

Говоря об эльзасских художниках, нельзя не упомянуть Томи Унгерера, автора популярных книг для детей и взрослых, художника, борца за гражданские права. В 1988 г. в Страсбурге он создаёт фонтан «Акведук Януса» в честь двухсотлетия города как символ его двойственной франко-германской культуры. Правительство Франции награждает его орденом Почётного Легиона, а правительство Германии – орденом за вклад в укрепление франко-германских отношений. В 2007 г. в его родном Страсбурге открывается музей Томи Унгерера, которому он подарил более 1500 томов личной библиотеки. Это уникальный случай в истории французского искусства, когда музей открывается при жизни художника.

Рождественская ярмарка – неотъемлемый атрибут предрождественского периода в городах Германии и Австрии. Изначально рождественские ярмарки устраивались с наступлением холодов для того, чтобы горожане могли закупить необходимые товары на зиму. Со временем зимние ярмарки стали обязательным рождественским обычаем и распространились в других странах. Страсбург известен как столица Рождества во Франции, здесь из года в год следуют самым старинным обычаям.

Культуру Эльзаса можно охарактеризовать как локальную культуру пограничного синтетического типа[24].

Эльзас стал трансграничным и транснациональным регионом. Он является частью экономического франко-немецкого союза. Эта область широко открыта для сотрудничества с соседними странами. Внутри территорий у Рейна провинциальные традиции не забыты, но растаяли проблемы этнического характера. Рейн снова стал внутренней страной, и на его берегах совершенно утрачен былой антагонизм. На сегодняшний день Страсбург является европейским городом, никто не задумывается о том, французский он или немецкий. Символичным является и местонахождение в Страсбурге Парламента Европейского

[24] Культура Эльзаса: локальная культура пограничного синтетического типа [Электронный ресурс]. Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2013, № 6 (ноябрь-декабрь). URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2013/6/Zhukova_Culture-of-Alsace/ [архивировано в WebCite].

Союза. Политическая география Европы приобрела за последние 50 лет мирную стабильность, которые контрастируют с минувшими взрывами и претенциозным национальным движением.

По словам историка Филиппа Мейера, «Европа даёт жителям Эльзаса возможность сохранить свою культурную столицу, предлагая при этом новые перспективы. Она кладёт конец их неуверенности, уважая их память о разделённой на части истории и самосознания, интегрированного в расширение европейского пространства; она предоставляет условия жизни и развития, до сей поры неизвестные»[25].

Л.О. Терновая[*]

ДЕЯТЕЛИ КУЛЬТУРЫ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В ПОЛИТИЧЕСКИХ ПЕРФОРМАТИВНЫХ ПОВОРОТАХ

Переход восточноевропейских государств в постсоциализм включал элементы перформативного поворота, впитавшего культурно-цивилизационные особенности региона. Этот поворот отражает роль перформативности в культуре и политике, обращая внимание на значение демонстративных, ритуальных, церемониальных измерений общественной жизни. Благодаря его пониманию исследователям предоставляется возможность изучить происходящие на таком повороте общества вариации политической трансформации, обнаружив лишь уловимые фазовые переходы.

Сам термин «Восточная Европа» указывает на тип цивилизации, ориентированный в своём развитии на Запад, но при этом входящие в неё страны не в полном смысле принадлежат к нему. Это остро ощущали восточноевропейские интеллектуалы. Румынский писатель, историк религий и мифологии, профессор Чикагского университета М. Элиаде писал: «Эти культуры стоят на грани исчезновения. Разве Европа не чувствует ампутации

---

[25] Meyer Ph. Histoire de l'Alsace. Paris, Editions Perrin, 2008.

[*] Терновая Людмила Олеговна, д.и.н., профессор Московского автодорожного института.

части своей собственной плоти?»[26]. «Что такое Средняя Европа? – спрашивал чешский писатель М. Кундера, – зона находящихся между Германией и Россией малых наций... Малая – это такая нация, существование которой в любой момент может зависнуть на волоске, которая может исчезнуть и знает это… А нации Средней Европы не победительницы. Неотделимые от истории всей Европы и не могущие без неё жить, они, жертвы и аутсайдеры, стали, словно оборотной стороной этой истории»[27].

При всей их непохожести у этих стран есть общие экономические, социальные, военно-политические интересы. В XX в. каждая из них по-разному решала проблемы политического и экономического устройства, опираясь на имеющиеся ресурсы, опыт и представления о характере государственного управления. Несмотря на то, что в восточноевропейском регионе сложились модели этого управления, весьма далёкие друг от друга, во всех странах в разные периоды среди лидеров были деятели культуры, в задачу которых входили масштабные преобразования. Осуществляя их, они вольно или невольно использовали методы перформативного поворота. После Второй мировой войны перформативный поворот политизации культуры стал закономерностью культурной политики в регионе. Его постоянно использовали как власти, так и оппозиция, утверждая с его помощью своё право на участие в общественной жизни.

После «бархатных революций» граждане захотели видеть во главе государств лидеров-интеллектуалов, которые в условиях начальной стадии постсоциалистического процесса могли дать старт развитию новой модели политического управления. Такими лидерами были В. Гавел, Ж. Желев, А. Генц, Э. Константинеску, Ф. Туджман, А. Изетбегович, И. Ругова. Используя элементы перформативного поворота в политике, они выправляли ситуацию прошлого, воспринимавшуюся как абсурд, что проявилось в метком названии «Абсурдистан», придуманном Гавелом. Ключом к пониманию сложной истории региона могут

---

[26] Цит. по: Judt T. The Rediscovery of Central Europe. Daedalus. Winter 1990. Vol. 119. P. 33.

[27] Кундера М. Трагедия Центральной Европы. http://www.proza.ru/2005/12/16-142.

быть слова М. Павича: «Если движешься в том направлении, в котором твой страх растёт, ты на правильном пути»[28]. Эта история пролегает в пространстве, отмеченном двумя названиями книги польского общественного деятеля, одного из лидеров оппозиции, главного редактора Gazeta Wyborcza А. Михника. В польском варианте – «Ярость и стыд», в русском – «Антисоветский русофил»[29].

Евроинтеграция изменила не только социально-экономическую ситуацию в Восточной Европе. Она способствовала трансформации форм политического участия, т.е. деятельности граждан, влияющей на процесс принятия политических решений. Перформативная суть этого процесса выразилась в том, что подобно Западной Европе, в Восточной Европе СМИ выступают ведущим коммуникатором между обществом и властью. В потоке политического участия отчетливо видна роль деятелей культуры, хотя их позиции вызывают неоднозначные оценки. Например, кинорежиссер Э. Кустурица в 2007 г. на парламентских выборах поддержал правую Демократическую партию Сербии, позже вместе с другими деятелями культуры принял участие в акции против отделения края Косово от Сербии. Особенно резко такие перформативные повороты осуждают интеллектуалы и деятели культуры Запада: в 2013 г. Н. Хомский охарактеризовал словенского философа С. Жижека как «крайний пример» пустого интеллектуального «позёрства»[30].

Выбор перформативного выражения политической позиции имеет следствием, что и власть, и силовые структуры даже при выходе протестующих за правовое поле реагируют на это достаточно мягко. Более того, власти стали сами активно обращаться к практике коллективного перформанса, рассматривая его как средство социальной консолидации на основе традиции, истории, культуры государства. Как вариант такого перформанса можно рассматривать празднование в 2010 г. в Польше, Белоруссии, Литве 600-летия победы союзников под Грюнвальдом.

---

[28] Павич М. Последняя любовь в Константинополе. http://www.lib.ru/INPROZ/PAWICH/lastlove.txt.
[29] Михник А. Антисоветский русофил. М., Вроцлав, 2011.
[30] Ответ Ноама Хомского на «Фантазии» Жижека. http://rabkor.ru/debate/2013/08/02/zhizek-chomsky.

Коллективный перформанс оказывается недостаточным для выражения гражданами своего отношения к восточноевропейской действительности и её сравнения с социалистическим временем. Поэтому наблюдаются различные виды индивидуального перфоманса, которые позволяют погрузиться в недавнее прошлое тем, кто стал забывать его детали, а молодёжи, выросшей без социализма, также почувствовать, как себя ощущали в то время старшие поколения. Г. Ланкаускас из Университета Реджина (Канада) анализирует театрализацию социалистического опыта как процедуру припоминания, работающую с разными «субстанциями» памяти: визуальными образами, речью, звуком и даже с вкусовыми ощущениями. В этих представлениях его интересуют не столько методы оживления памяти о советском прошлом, сколько реакции участников этих перформансов, организованных, в частности, в Бункере – экспериментальном подземном аттракционе недалеко от Вильнюса[31]. Для участвующих в перформансе «драматизирующее» событие может быть продуктивным, помогая перестроить собственную память, воспринять её как поиск утраченного времени, прагматические воспоминания или память о «прожитом».

Позиция в качающихся полюсах прошлого и настоящего Восточной Европы зависит и от того, как восточноевропейцы видят свои границы с Европой Западной. В 2000 г. во время фестиваля современной пьесы в Бонне зрителей поразил многонациональный проект македонского драматурга Г. Стефановского «Отель Европа». Огромное, замысловато перетянутое многочисленными верёвками, напоминающее заброшенный супермаркет пространство спектакля дышало забытой эпикой и размахом романтических замковых спектаклей 1960-х гг. Это была метафора разделённой границами Европы. Зрителей собирали в толпу, разделяли на группы под бешеный лай овчарок, водили по разным этажам и закуткам здания, где можно было подсмотреть кусочек из жизни поляков, венгров, русских или литовцев.

Вопрос о европейских границах оказался не снятым и спустя десятилетие, после вступления многих восточноевропейских

[31] Ланкаускас Г. Выжить в Бункере: неностальгическая память о социализме в Литве. Неприкосновенный заказ. 2011. № 6(80).

стран в Евросоюз. Особенно острым он стал для тех, кто находится рядом с границами этой новой объединённой Европы. Неслучайно пьеса основателя харьковского Театра на Жуках, продюсера, актера и драматурга Д. Тернового «Детализация» победила на австрийском конкурсе «Говорить о границах: жизнь в эпоху перемен». Пьеса об «оранжевой революции» передаёт конфликты и обостряет ощущение границ между людьми, поколениями, странами, которые постоянно присутствуют в жизни, поскольку каждый человек живёт на границе решительного поступка.

Помимо перформативного поворота, демонстрирующего возможности движения по оси «Восток-Запад», для восточноевропейского политического сознания характерен и вариант перформативного поворота по вертикали, превращающего малое в большое и даже великое. В прошлом – Великая Польша от моря до моря, Великая Албания, сейчас «Великая Венгрия», за которую ратуют представители партии «За лучшую Венгрию» (Йоббик), или «Великая Румыния» с партией такого же названия. Величие всегда отмечается визуально. Поэтому своеобразным перформативным выражением отмеченных идей стало возведение гигантских скульптур. Установленная в ноябре 2010 г. на юго-восточной окраине города Свебодзин, в Любушском воеводстве Польши статуя Христа-Царя стала самой большой в мире статуей Иисуса Христа. Поскольку в перформативном повороте серьёзное начало сочетается с комическим, наличие элементов смеховой культуры способствует достижению цели перформативного поворота, заставляя зрителя и участника задуматься о подлинной ценности цели развития и её сопоставимости с историческим опытом, с тем, что сохранила о нем память. Об этом большинство гигантских скульптур чешского художника Д. Черны.

Перформативный поворот помогает находить выход из кризисной ситуации и не только в культуре, но и политике. В Восточное Европе на разных этапах обращение к практике перформативного поворота диктовалось тем, что, во-первых, он был в духе блестящих представителей литературы и искусства, которые стали государственными и общественными деятелями региона. Во-вторых, оказалось, что именно такой поворот соот-

ветствовал социокультурной и экономической среде, готовой к масштабным переменам и одновре́менно опасающейся их последствий. В-третьих, в рамках перформативной презентации история представляется сценой, на которой разыгрываются различные политические, социальные, культурные, религиозные роли. А их исполнители, как коллективные, так и индивидуальные, имеют свободу выбора участвовать или не участвовать в перформансе, что служит опытом для такого же выбора в жизни.

А.П. Кураш*

СОВРЕМЕННОЕ КИНО ЕВРОПЫ

Кино Европы начала XXI в. представляет собой своего рода мозаику из совершенно разных по своей стилистике картин, отдельных громких успехов и новых ярких имён. Вместе с этим перед европейскими кинематографистами стоят немалые трудные задачи и проблемы, зачастую связанные с внутренними противоречиями. Здесь и тесное плодотворное сотрудничество, и внутренняя жёсткая конкурентная борьба (в частности, за пальму первенства в Европе), сговорчивость и несговорчивость кинематографистов и властей, поиск своей художественной ниши в XXI в., в частности, в развитии авторского кино, постоянный поиск компромиссов и новых схем по стимулированию финансирования, и извечное тяжелейшее противостояние американской глобальной кинопромышленности. В общем, задач и проблем много, но привыкать ли энергичным и предприимчивым кинематографистам Старого Света преодолевать их? Вряд ли. Попробую коротко изложить ключевые факты и общую картину.

До падения Берлинской стены представление о европейском кино было относительно понятным: с одной стороны, буржуазное западноевропейское, с лидерами в лице Италии, Франции, Германии и Великобритании, а с другой стороны – советская кинематография. Однако после падения стены прошло почти четверть века, но по сей день дать однозначный ответ на вопрос:

---

* Кураш Артур Петрович, кандидат культурологии, советник по культуре московского представительства Итало-российской торговой палаты.

что есть современная европейская кинематография? – на самом деле трудно. И это понятно, так как речь идёт о той отрасли культуры и экономики, где невозможно применить (и слава Богу!) так называемый евростандарт или установить единую идентификацию. Ведь европейское кино XXI в. представляют не только вышеупомянутые страны, но и Польша, Болгария, Чехия, Венгрия, Румыния, Эстония, Хорватия и т.д. Также следует помнить, что на рубеже веков неожиданно появилась кинематография Северной Европы (Норвегия, Швеция, Дания, Финляндия), а также громко заявила о себе самобытная и вполне жизненная кинематография Бельгии и Нидерландов. Таким образом, современное кино объединённой Европы представляет собой очень яркую палитру, что делает его очень интересным и своеобразным.

Следует помнить, что современное европейское кино – это, в первую очередь, работы таких прославленных мэтров «старой гвардии», как Бернардо Бертолуччи, Марко Беллоккио, Франсуа Озон, Пауль Верхувен, Джузеппе Торнаторе, Педро Альмодовар, Анджей Вайда, Милош Форман, Эмир Кустурица и многих других. Благодаря им авторское европейское кино на рубеже веков стало не только изысканным, популярным во всём мире, но и кассовым. В то же время известно, что кинематограф – это по-прежнему не только одна из важных отраслей культуры, но и экономики. Современное кинопроизводство – это сложный, дорогостоящий и многоуровневый художественный и технологический процесс. При этом процесс безостановочный, буквально поточный. С другой стороны, в наши дни проект создания кинокартины, с целью его широкого проката, можно рассматривать как крупный международный бизнес-проект. Его успешная реализация – от идеи до выхода на широкий экран, требует использования ряда финансовых источников, привлечение многих десятков специалистов, а также, что очень важно, наличие законов для эффективного регулирования кинопроизводства со стороны государства. Последнее подразумевает не только финансовую поддержку, но и целенаправленную постоянную работу над созданием льготных законов и механизмов (евросоюзных, национальных, региональных) для привлечения в кино-

производство отечественного и зарубежного капитала.

В целом культура и творческие профессии играют огромную, даже ключевую роль в экономике Евросоюза и в занятости населения: по официальным данным, в 2013 г. численность работников культуры в Евросоюзе составляет 8,5 млн человек, а в области аудиовизуальных искусств работают более 1 млн специалистов. Несмотря на сложную экономическую ситуацию, количество специалистов в странах Европы, работающих непосредственно в области кинопроизводства, ежегодно увеличивается.

Вместе с этим тема «спасения кинематографа» по-прежнему актуальна как для правительства каждой европейской страны, так и для руководства Евросоюза. С целью поддержки кинопроизводства, телевизионных программ и иной аудиовизуальной продукции из бюджета Евросоюза ежегодно выделяется 3 млрд евро. Для сравнения: один из крупнейших российских инвесторов – Российский фонд кино в 2012 г. выделил на кинопроизводство 3893,9 млн рублей. Господдержка российского кинопроизводства и проката в 2012 г. составила 6,3 млрд рублей, а суммарные производственные бюджеты – 6,7 млрд рублей.

Благодаря программе по поддержке кинематографа Евросоюз фактически стал одним из крупнейших в мире кинопроизводителей. И результаты действительно не могут не впечатлять: в 2012 г. европейская кинематография выпустила 1299 полнометражных фильмов. Для сравнения: в 2011 г. в США было выпущено 817 фильмов, в Индии – 1255; в Италии: в 2012 г. – 166; в 2013 – 155; в России в 2011 г. – 39; в 2012 – 35; (в нашей стране самый высокий показатель прошлого десятилетия был в 2006 г. – 103 фильма). В 2012 г. в Европе было продано в кинотеатрах 933,3 млн билетов; в России – 175,2 млн.

В целом, показатели посещения кинотеатров в большинстве стран Европы остаются низкими. По мнению многих европейских исследователей, причиной этому является устаревшее оборудование многих кинотеатров, у которых нет возможности приобрести цифровое оборудование и где имеется в наличии лишь один зал, т.е. кинотеатры – монозалы. К примеру, в Италии это около 40% кинотеатров (509 кинозалов в 2012 г.), принадлежащих отдельным семьям, кооперативам, коммунам или

церкви (т.е. приходские кинозалы). По данным аналитической компании «Чинетель», в 2012 г. в Италии было продано 10,243 млн билетов, что характеризуется как относительно неплохой результат по сравнению с предыдущими годами.

При этом в последние годы заметно увеличился показ художественных фильмов по телевидению, включая «видео по запросу» (англ. Video on Demand, VoD) – систему индивидуальной доставки абоненту телевизионных программ и фильмов по цифровой кабельной, спутниковой или эфирной телевизионной сети с мультимедиасервера. Опять же приведу пример по Италии: в 2012 г. телевидение осуществило 69 тыс. просмотров фильмов против 40 тыс. пятью годами ранее.

В числе основных задач министерств культуры еврозоны, стоит разработка чёткого «планирования в области культуры», где более всего преуспели французы, а также дальнейшего углубления сотрудничества кино и телевидения, в первую очередь, системы VoD – «видео по запросу», где европейский рынок ещё находится в стадии развития.

Другой проблемой в странах Европы, сугубо «кинематографической», по-прежнему остаётся недовольство профсоюзов гарантиями занятости работников кинематографии, неудовлетворительное планирование по выходу на широкий экран кинопродукции («т.е. в кинотеатрах то столпотворение, то пустота») и неуверенность в надёжном финансировании заявленных проектов. Также подвергается критике недостаточная защита авторских прав в сфере кино-, теле- и видеопродукции, неудовлетворительная поддержка и внимание властей к европейским киношколам, а также к образовательной, а точнее воспитательной программе «кино в школе» и к уникальной и очень важной программе по так называемому «перевоспитанию вкусов публики», которая, по единодушному мнению специалистов, успешнее всего может быть реализована средствами телевидения.

В июне 2013 г. наиболее острым вопросом, вызвавшим бурные дебаты в Европарламенте, стало обсуждение соглашения Евросоюза с США о свободном торговом обмене и либерализации рынка. Принципиальную позицию в этом вопросе заняли французы, по мнению которых свободный доступ американцев

на европейский рынок, включая киноиндустрию и средства масс-медиа, станет реальной угрозой европейской «культурной исключительности» и угрозой существования европейского кинематографа.

Принципиальную позицию Парижа глава Еврокомиссии Жозе-Мануэл Баррозу в интервью газете «Геральд Трибюн» назвал «реакционной». Он отметил, что верит в сохранение культурного разнообразия, но не ценой изоляции Европы. Это вызвало бурное негодование французских обозревателей и политиков. В частности, премьер-министр Франции Жан-Марк Эро во время своего выступления в Национальном собрании заявил: «Нет ничего реакционного, наоборот, это прогресс, принятие других культур мира, защита культурного разнообразия. Это должна принять как Еврокомиссия, так и её глава. Франция – не изолирована. Она убеждённо боролась и добилась согласия других стран ЕС».

Левая газета «Либерасьон» отмечает, что Европа находится в позиции слабого, по этой причине создание единого рынка может привести к тому, что европейская модель будет подобна американской. По мнению обозревателя журнала «Valeurs actuelles» Франсуа д'Орсиваля, «во Франции во имя сохранения культурного своеобразия, государство оказывает серьёзную поддержку развитию искусства, в частности киноиндустрии. Благодаря «культурной исключительности» мы защищаем, в первую очередь, французское кино. В течение долгих лет, принятые налоговые меры, в частности освобождение от уплаты налогов для инвесторов в киноиндустрию, позволили ей выжить, в то время как в других странах Европы киноиндустрия практически исчезла. Конечно, есть итальянские, британские, немецкие режиссёры, но сама индустрия кино не имеет таких масштабов. Сегодня мы в состоянии производить около 200 фильмов в год, но из них рентабельны всего лишь 3 кинокартины. Да, таким образом, мы спасаем кино, а также другие культурные ценности, но мы знаем, что это стоит дорого…»[32].

---

[32] Елена Габриелян. ЕС и США начали борьбу за правила и исключения в соглашении о свободной торговле. http://www.russian.rfi.fr/evropa/20130619-es-i-ssha-nachali-borbu-za-pravila-i-isklyucheniya-v-soglashenii-o-svobodnoi-torgovl.

Таким образом, благодаря Франции, киноиндустрия и медиа остались вне рамок соглашения о свободном рынке между ЕС и США, что на практике означает сохранение некоторого заслона от тотального нашествия американской кинопродукции на европейский рынок, что на протяжении XX в. европейцы испытали дважды, а именно после окончания двух мировых войн.

О.А. Жукова*

ЕВРОПЕЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ РОССИИ: УНИВЕРСАЛИЗМ КУЛЬТУРЫ И ПОЛИТИКИ

Конструктором новой социальной реальности в XX в. выступили культуры модерного типа, принадлежащие западноевропейской христианской традиции. Эти «локомотивы современности» на рубеже третьего тысячелетия вошли в стадию постмодерна. В то же время Россия, обременённая трагической историей XX столетия, с большими издержками становится участником современного технологического проекта. Дополнительную трудность для России составляет нерешённый вопрос культурной и политической идентичности, спровоцированный не только кризисами развития, которое переживает любое общество, но настоящими цивилизационными срывами – дважды потерянной за XX в. страной, дважды разрушенным социальным и культурным укладом на фоне двух мировых войн и большевистского эксперимента с построением тоталитарного государства.

Как объяснить подобные исторические «неудачи» России, которая с трагической периодичностью выпадает из общеевропейского и мирового контекста цивилизационного развития, словно бы не может запустить эволюционные механизмы, совершенствующие социальную и политическую системы? В который раз в истории, проводя модернизацию в надежде догнать опередившую её Европу или Америку, буксует, а если и достигает определённых результатов, то очень дорогой ценой. Напрашивается пессимистический вывод, что русское общество органически

* Жукова Ольга Анатольевна, д.филос.н, профессор НИУ Высшая школа экономики.

не способно к либерально-прогрессистскому типу развития. Этот тезис – главный аргумент тех, кто считает «русский код», «русскую матрицу», а, следовательно, и русскую культуру ментально привязанной к традиционалистскому государству. Другое, не менее клишированное, на наш взгляд, мнение, распространённое среди политологов, берущихся делать историософские и культурологические выводы, продолжает связывать либерализм, в том числе и современный, с протестантским типом культуры. Общим для подобных мнений является категорический отказ в либеральном потенциале восточно-христианской традиции и тем странам, которые строили свою государственность на её культурной основе.

Правильнее, на наш взгляд, было бы рассуждать в другом ключе. Нужно исходить из той фундаментальной посылки, что в основе христианской европейской и русской культуры лежит метафизика свободы. Её богословская трактовка связана с обнаружением действий Духа Св. в реальности жизни человека и общества. Если европейская цивилизация этот опыт опосредовала культурным и социальным творчеством, выстроив срединное пространство отношений между индивидом и обществом, сбалансировав интересы различных социальных групп и скрепив их общественным договором и правом, то русская цивилизация этой границы между метафизической и социальной реальностью не обозначила. Лишь позже, в XIX в., это пространство «между» стало выстраиваться в творчестве русских писателей, композиторов, историков, публицистов, знаменовав собой классический период развития культуры. Великая русская классика была нашей европейской цивилизацией.

В истории России политическая проекция философии свободы нашла своё воплощение в интеллектуальной и политической биографии ряда выдающихся представителей русской мысли – в линии продуктивного синтеза ценностей национальной культуры и европейских гражданских институтов. Так, опыт российского реформатора-законоведа М.М. Сперанского, не выходя за пределы монархической конструкции власти, способствовал рационализации системы управления, скрыто обозначая правовой предел полномочий трона, что логически и неизбежно должно

было привести к его десакрализации.

Один из самых острых блестящих русских умов, наследник богатейшей русской фамилии А.И.Герцен занял непримиримую критическую позицию по отношению к официальной власти, ища для России оптимальный «русский путь» освобождения от косности социального порядка – всех форм экономической и политической несвободы. Московский профессор всеобщей истории Т.Н. Грановский выступил проводником просвещённого европеизма, укрепляя в сердцах и умах молодого поколения мысль о стремлении к классическим ценностям культуры и образования, которые создают почву для индивидуального интеллектуального развития человека, делают его жизнь общественно полезной и исторически осмысленной, избавляют от традиционалистских стереотипов коллективного сознания и тем самым продвигают его по пути освоения европейского модерна. Деятельность либерального славянофила И.С. Аксакова, правого кадета В.О. Ключевского, правого центриста М.А. Стаховича, конституционалиста В.А. Караулова, автора либерально-консервативного проекта Великой России П.Б. Струве была нацелена на формирование единства культурно-политической нации. Программа исторического самопознания и культурного творчества как в дополитический период, так и в эпоху публичной политики оказалась актуальной для русского общества, которое должно было проделать значительную работу по формированию системы «права и прав», обеспечить трансляцию духовных ценностей национальной культуры в условиях свободы слова, вероисповедания и конституционного разграничения властей. Опыт политической борьбы и журналистское творчество А.В. Тырковой-Вильямс, просветительская и политическая деятельность С.В.Паниной стали лучшими свидетельствами социальной практики либерализма на почве национальной культуры. Эти выдающиеся женщины, входившие в партию кадетов, в истории русского либерализма заняли не просто почётное, но лидирующее место, во многом определив культурно-практическое его лицо, показав те формы продуктивной общественной деятельности, которые были необходимы для формирования его социальной и интеллектуально-творческой базы. Историософская и

культурологическая мысль Г.П. Федотова может быть предложена в качестве концептуальной основы для современного понимания российской цивилизации, её культурно-политической специфики, центральным вопросом имея вопрос о способах освоения духовной и политической свободы. Лидер «партии культуры» Б.К. Зайцев, последовательный европеист и русский художник, возвышая свой голос в защиту ценностей европейской и русской культуры, сформулировал тезис о значении образованного меньшинства для исторической судьбы России, тех идеалов творчества и духовной свободы, на которых зиждется фундамент христианской цивилизации Европы и России.

Если мы обратимся к идейно-историческому наследию русского либерализма в его национально-культурной версии, то увидим, что он теоретически и практически пытался осуществить столь необходимую для России процедуру медиации – согласования метафизических и инструментальных ценностей. Вырастая из культурного опыта русской цивилизации, почвенный либерализм в России пытался синтезировать европейскую идею права и духовных ценностей христианства, преодолевая разрывы политического поля, артикулированного спорами славянофилов и западников, консерваторов и либералов, традиционалистов и прогрессистов. Сегодня мы вновь поставлены перед этой исторически не решённой задачей, но уже в новых условиях информационного общества и опять, подчеркнем, в ситуации догоняющей технологической и политической модернизации.

В этом контексте своеобразная миссия российских интеллектуалов и интеллектуального сообщества в целом – стать действенным инструментом культурно-политической модернизации, самостоятельной общественной силой. Интеллектуальный потенциал русской либеральной традиции, тяготеющей к европейским культурным и политическим ценностям, будет реализован в том случае, если думающее меньшинство современной России станет коммуникатором и интерпретатором, выдвинется на роль идейного лидера общества, чей авторитет подкреплён и интеллектуально, и нравственно. В этом случае его роль как медиатора социальных отношений – посредника в общественном диалоге, будет успешна и оптимизирует творческие ресурсы рос-

сиян в процессе формирования гражданской нации. Тем самым интеллектуальная элита будет способствовать формированию единого общеевропейского культурного пространства, утверждая в России ценности духовной, интеллектуальной и политической свободы, и создавать атмосферу понимания между участниками политического диалога в условиях открытого общества.

М.Я. Сараф*

НАЦИОНАЛЬНЫЕ КУЛЬТУРНЫЕ ПРОСТРАНСТВА РОССИИ И ФРАНЦИИ: ИСТОРИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

Фундаментальным обстоятельством для понимания генезиса культурного пространства западноевропейских стран, и в первую очередь Англии, Нидерландов и Франции, ставших авангардом общественного прогресса в XVI–XIX вв. является установление общего правового пространства как сферы договорных взаимоотношений.

Особую роль в этом процессе сыграло римское и римско-католическое право вследствие того, что церковь стала важнейшим институтом феодального государства. Систематически разрабатываемое, оно стало ориентиром для судов и главным способом донесения права до населения. Для быстро растущего городского населения это имело важное значение, ибо открывало возможности судебной защиты индивидуального интереса, для сельских жителей, при господстве во Франции парциального землевладения, давало возможность защиты частной земельной собственности.

Другой ключевой фактор формирования национального культурного пространства Франции – это довольно интенсивный процесс образования центров духовного развития: католических монастырей и несколько позже – университетов. Университеты Франции очень скоро стали играть ведущую роль в европейском образовании и науке, став вровень с университета-

* Сараф Михаил Яковлевич, д.филос.н., профессор Московского государственного университета культуры и искусств.

ми Италии и даже опередив их. Итальянский Ренессанс и Северное Возрождение – вот животворный источник культурного пространства Франции с присущими ему особенностями – рационализмом и высоким статусом индивидуальности.

Культурное пространство России формировалось совсем другими механизмами и в совсем иной структурной организации. Прежде всего, следует отметить крайне слабую, по сравнению с Францией, роль правовой составляющей, и, следовательно, крайне слабое значение индивидуальности. Начиная с царствования Ивана III, а особенно с Ивана IV, не право объединяло Россию, а сила самодержавной власти, под покровительством которой только и можно было ожидать каких-либо гарантий безопасности.

Что же касается важнейшего вопроса культуры о том, кто есть человек, то ответ на него давало непосредственное жизнеобеспечивающее пространство: патриархальная семья, крестьянская община, рабочая артель и т.п. Формировался и соответствующий тип ментальности, в которой ведущую роль играли ценности, представляющие, прежде всего, интересы сообщества – «православный мир», «народ-пахарь», «дружинушка» и т.п. А центральным нервом становится иррациональная глубокая вера в конечное торжество справедливости (тоска по праву), правдолюбство и правдоискательство, стремление «пострадать» за мир. Это – прямо в противоположность французской рационалистической ментальности, замешанной на юридическом параграфе и философско-богословском силлогизме.

Однако национальное культурное пространство России, как и во Франции, складывалось как надэтническое явление, хотя и на другой основе. Этой основой стала объективная необходимость мирного сосуществования и сотрудничества многих и разнообразных этносов, вовлекаемых в сферу российского влияния, что стало почвой не только для мощного духовного подъёма и охватываемых им этнонациональных культур. Это обстоятельство сделало его впоследствии столь открытым для впитывания культурных новаций и важнейшим фактором мировой культуры, но оно же создало и значительные трудности для их творческого усвоения.

Нисколько не умаляя самобытности и выдающейся роли

русской культуры в системе европейской и мировой культуры, всё же следует признать, что культура Франции на протяжении трёх последних веков играла для России роль духовного лидерства от моды до философии.

Роль духовного лидера общечеловеческого масштаба выполняют те идеи, учения, в содержании которых выражается объективная направленность исторического процесса, то есть совместной воспроизводственной деятельности людей: преодоление всех видов отчуждения, утверждения приоритета гуманистических принципов деятельности над всеми другими интересами, понимание природного пространства планеты как поприща деятельности всего человечества в целом.

Именно таковым были основные линии напряжённости французской культуры, чётко проявившие себя в XVIII в. и остававшиеся её каркасом до современности. Идеи французского Просвещения, французская философия и литература, французское искусство задавали тон духовного развития Европы и, разумеется, России. Главный импульс всех политических сдвигов Европы от революции 1789 г. до Парижской коммуны исходит из Франции. А в веке XX французский экзистенциализм, художественный авангард, структурализм, молодёжное бунтарство просто перевернули глубокие и консервативные пласты общественного сознания времени. Культура повседневности ориентировалась на французскую моду, французскую кухню, французское образование.

Можно сказать, что без Франции не было бы и современной России. Конечно, этот тезис нельзя понимать чересчур ригористически. Без России, может быть, и не было бы современной Франции. Но не зря же для всякого русского так важно знать, что существует Париж, куда он однажды сможет приехать и пройти по нему, даже не пользуясь путеводителем.

Географическое удаление России от Франции, и ещё более того, освоение и усвоение содержания французской культуры в её рафинированном идейно-литературном и художественном выражении способствовали её некоторой идеализации в русском сознании. А различного рода и различной успешности попытки материализации и внедрения этого содержания в русскую дей-

ствительность, или же непосредственная встреча этой русской действительности с французской, нередко вызывали значительные разочарования, но выигрыш для России всегда был больше.

При всём многообразии и даже несовпадении национальных культур европейских стран и народов, всё же можно утверждать существование единого европейского культурного пространства, основные характеристики которого послужили основой для формирования единого мирового культурного пространства. В этом чрезмерно широком обобщении не следует видеть некий неоевропоцентризм. Историческими этапами этого процесса являются становление европейской государственности вкупе с христианизацией, колонизация с сопровождающей её культурной экспансией и ведущее место Европы в экономическом и политическом состоянии современного мира.

Одной из таких особенностей сталая личностно-гуманистическая направленность европейской культуры, имеющая достаточно высокую степень правового обеспечения. Можно было бы показать, что соотношение этих составляющих, а также их содержание и структура в культурах других регионов мира существенно различны. Именно такого рода отличия, исторически, этнически и социально сложившиеся в многомерном культурном пространстве России и дают основании для постоянных дискуссий о том, является ли Россия европейской страной или нет. Можно сказать «да», поскольку упомянутая направленность была и остаётся для России важнейшим ориентиром. Можно сказать «нет», поскольку ей никогда не удавалось сделать этот ориентир практическим руководством социальной и культурной политики. Но снятие жёстких социально-политических и экономических разграничений и барьеров в Европе несомненно способствуют процессу единения культурного пространства.

Здесь можно отметить особенность европейского культурного пространства – направленность на суверенность личности и на достижение личностного успеха. Можно сказать несколько иначе, хотя тоже будет не совсем точно – направленность на признание авторства. Между тем в России высшим уровнем творческого достижения считается переход авторского произведения в «народное», то есть фольклорное. Правда, это касается, в

основном, художественного творчества и сказано вовсе не в осуждение. Просто несколько иная конструкция культурного пространства.

Эти, казалось бы противоположные направленности не находятся в соотношении противоречия и противодействия. Они вполне совместимы, взаимодополняемы и в своей совместимости увеличивают глубину и связность общего культурного пространства.

Основные механизмы единого культурного европейского пространства хорошо известны – это сотрудничество и свободное общение на основе общеразделяемой системы ценностей, что формируется выравниванием уровня образования, потребностей и способов их удовлетворения, развитием и укреплением общего правового поля.

Н.Ю. Теряева[*]

МЕЖДУНАРОДНОЕ НАУЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО КАК ЧАСТЬ ГУМАНИТАРНОГО ДИАЛОГА ЕВРОПЫ И РОССИИ

Наука – плод европейской культуры. Все страны мира приняли европейский подход к системе научного знания и сделали базой для своих систем образования университетскую культуру, рождённую Европой, поэтому науку с полным правом можно назвать языком гуманитарного диалога Европы с миром.

Россия заговорила на языке науки в начале XVIII в. С тех пор и продолжается гуманитарный диалог России и Европы. Вопреки мнениям некоторых культурологов, этот диалог не прекратился в 1917 г. с падением монархии в России, связанной кровными узами с европейскими монархическими династиями. Культурный диалог Европы и России продолжили деятели науки, выполняя естественную для них функцию культуртрегеров.

В самом деле, система образования СССР, оправившись от революционных потрясений, фактически унаследовала от цар-

---

[*] Теряева Наталья Юрьевна, к.ф.-м.н., консультант при дирекции Объединённого института ядерных исследований, генеральный директор, главный редактор газеты «Открытая Дубна».

ской России действовавшую там модель немецкого образования и развила её с учётом новых экономических и политических реалий. Политика поголовной ликвидации неграмотности в Советском Союзе открыла доступ к среднему и высшему образованию всем сословиям населения и значительно расширила слой образованных людей на территории бывшей Российской империи. Важно подчеркнуть: советская система образования твёрдо формировала у населения научное мировоззрение.

Многие деятели науки любят цитировать фразу русского писателя А.П. Чехова «Нет национальной науки, как нет национальной таблицы умножения». Однако как два дерева одной породы, растущие на разной почве и в разном климате, дают разного качества плоды, так и наука, развиваясь в разных странах, несёт на себе отпечаток национально-культурных особенностей исследователей. В основе же ментально-культурных различий лежат разные географические и экономические условия, в которых живут разные народы.

«Британский учёный по стилю своего мышления и деятельности в значительной мере – Робинзон Крузо... Британские естествоиспытатели природу понимают прежде всего через приспособление к текущей ситуации, через адаптацию к ней по принципу “что будет, если”... Это означает, что для британского учёного важнее ответить на вопрос “как?”, нежели на вопрос “почему?”»[33].

В монографии «Европейская культура: XXI век» Е.В. Водопьянова развивает мысль о национальных особенностях учёных далее: «На стратегию развития немецкой науки всегда большое влияние оказывало государство... Так, во многом под патронажем властей немецкое Просвещение проявило свой преимущественно теоретический характер... Французский учёный ориентирован национальным научным менталитетом на поиск гармонии между числом и реальностью, природой и социумом, человеком и внешней средой... Социальный прагматизм французской науки вполне допускает его трактовку как движение к гармонии личности и социума. Во многом этими вполне прагма-

[33] Водопьянова Е.В. Европейская наука в зеркале национальных культур. Европейская культура: XXI век. М.-СПб., 2013. С. 292.

тичными установками можно объяснить сложившееся к настоящему времени сочетание основных компонентов национального научного спектра от информационных технологий до фармацевтики. Стремлением к социальной гармонии в значительной мере определяется и то обстоятельство, что современная французская наука сосредоточена преимущественно в государственном секторе»[34].

Если кратко проанализировать особенности европейской науки, рассматривая её как целое, то её национально-культурные отличия от российской науки будут таковы:

Европа	**Россия**
Национальные черты проявляются в характере исследователей: Британия – «Робинзон познания», Германия – романтизм, теоретическое мышление, Франция – прагматизм	В характере исследований проявляются не национальные черты народов России, а географическое и социальное происхождение исследователей. Российским исследователям всех национальностей свойственно стремление к философской глубине познания
Относительно равномерное распределение университетов и научных центров по территории Европы	Основные научные центры сосредоточены в европейской части России
Системы организации и финансирования исследований в странах Европы до сих пор различны, несмотря на попытки унификации	Реформирование исходно немецкой системы организации российской науки и образования идёт путём соединения её с разнородными частями североамериканской структуры исследований
Расходы на науку сокращаются, но остаются существенно выше, чем в России	Расходы на науку увеличиваются, но всё ещё недостаточны для прорывных исследований
Восточная и Западная Европа отличаются по уровню финансирования исследований и не отличаются по уровню квалификации исследователей	Отличия в уровне финансирования и качестве исследований лежат не на границе Востока и Запада России, а на границе столицы и провинции
Широкая реклама науки в обществе хорошо развита в литературе, кинематографе, музейном деле	Реклама науки не развита совсем, потребность в ней учёными, государством и обществом даже не осознана
Результаты исследований востребованы промышленностью и государством	Результаты исследований не востребованы ни промышленностью, ни государством

Несмотря на 300-летнюю историю российской науки, её достижения до сих пор очевидно публично недооцениваются в

[34] Там же. С. 293, 295.

мире. Это проявляется, в частности, как в количестве Нобелевских премий, присуждённых российским учёным, так и в названиях научных открытий и их элементов. Виной тому не только политические и экономические причины. К сожалению, Россия в гуманитарном диалоге с Европой и миром очень мало использует возможности научной дипломатии.

Между тем, уже 58 лет на территории России действует испытанная временем модель успешного во всех направлениях гуманитарного диалога языком науки. Это международная, межправительственная организация под названием Объединённый институт ядерных исследований.

Полноправными членами Объединённого института ядерных исследований (ОИЯИ) являются 18 стран-участниц: Армения, Азербайджан, Беларусь, Болгария, Вьетнам, Грузия, Казахстан, КНДР, Куба, Молдавия, Монголия, Польша, Россия, Румыния, Словакия, Узбекистан, Украина, Чехия.

Ещё 6 государств вошли в ОИЯИ на правах ассоциированных членов: Венгрия, Германия, Египет, Италия, Сербия, Южная Африка.

ОИЯИ учредили в 1956 г. государства социалистического лагеря в противовес созданному в Женеве на два года ранее Европейскому центру ядерных исследований (ЦЕРН). Этот политический жест, однако, не только не вызвал конфронтации между учёными Западной и Восточной Европы, но, напротив, перебросил с Востока на Запад мостик для диалога исследователей.

Страны-участницы ОИЯИ демонстрируют широкий диапазон по контрасту политического устройства. Но это скорее положительно влияет на научное сотрудничество. Отношения между Россией и странами СНГ, восточноевропейскими, азиатскими и африканскими государствами в рамках института не только не ухудшились, но, наоборот, динамично развиваются на почве взаимной выгоды.

Научная программа института формируется международными программно-консультативными комитетами (ПКК) по каждому из трёх научных направлений ОИЯИ. Раз в полгода ход её выполнения контролируется на заседаниях ПКК. Рекомендации комитетов рассматривает Учёный совет института, в состав

которого входят авторитетные и признанные в мире специалисты. Все решения относительно научной, финансовой и социальной политики института принимает Комитет полномочных представителей стран-участниц ОИЯИ.

Таким образом, многоплановая структура института создаёт возможность использовать распределенные по миру финансовые источники, оптимизирует человеческий капитал и даёт ОИЯИ возможность следовать в русле передовых тенденций развития физики, постоянно поддерживая высочайший уровень исследовательской работы и всё время двигаясь на гребне волны.

Штат сотрудников института в количестве 5000 человек составляют в том числе 1200 научных сотрудников и 2000 инженеров и техников. Бюджет ОИЯИ 2014 г. – 159 млн долл. Наибольший вклад в бюджет Объединённого института вносит Россия в соответствии с величиной своего внутреннего валового продукта и как страна местонахождения этого международного центра. Для сравнения, сегодня членами ЦЕРН являются 21 страна-участница, бюджет 1300 млн долл., штат – 2500 постоянных и 8000 временных сотрудников.

Характерным примером пользы ОИЯИ как интеграционного проекта является история пионерных исследований в области синтеза новых сверхтяжёлых химических элементов, которых не существует в природе.

Ещё с начала 60-х гг. XX в. развернулось острое соперничество в синтезе сверхтяжёлых элементов между группой академика Георгия Флерова из Лаборатории ядерных реакций ОИЯИ в Дубне и группы Альберта Гиорсо и Гленна Сиборга из Радиационной лаборатории им. Лоуренса в Беркли (США). Группа Флерова сумела в 1964 г. первой получить элемент № 104. Он был занесён под № 37в Государственный реестр открытий СССР и вписан в таблицу Менделеева под названием «курчатовий».

Однако в 1969 г. группа Гиорсо-Сиборга попыталась оспорить приоритет Дубны, предложив для элемента № 104 название «резерфордий». Это название поместили в таблицу химических элементов за пределами СССР (которая, кстати, носит имя Менделеева только в России). Здесь, видимо, вполне уместно

будет подчеркнуть, что нет национальной таблицы умножения, но есть национальные таблицы химических элементов.

Тяжба за приоритет и название элемента № 104 длилась до 1997 г., когда Международный союз чистой и прикладной химии (IUPAC) под давлением американцев принял примирительное соломоново решение: назвать 104-й элемент «резерфордием», а 105-й – «дубнием». С тех пор из таблицы Менделеева исчез курчатовий, а на его месте появился резерфордий.

К тому времени физики и России, и США учли исторический урок. Когда в Беркли с 70-х гг. XX в. сократили финансирование, американцы стали работать над синтезом элементов вместе с немецкими учёными из Дармштадта, где открыли элементы110-112.

А в Дубне группа Юрия Оганесяна первой синтезировала новые сверхтяжёлые элементы со 113-го по 118-й. В сотрудничестве ОИЯИ-Ливерморская национальная лаборатория им. Лоуренса (США) открыты 114-й и 116-й элементы. Первый из них в 2012 г. записан в таблицу Менделеева под именем «флеровий», второй – под названием «ливероморий». Радиационная лаборатория им. Лоуренса в Беркли подтвердила результаты синтеза флеровия и ливермория. Гуманитарный диалог в международном научном сотрудничестве принёс свои плоды.

Весь мир сегодня знает, что Большой адронный коллайдер (БАК), где обнаружили таинственный бозон Хиггса и наградили его предсказателей Нобелевской премией, принёс большую пользу не только науке, но и технологиям. Часть новых технологий, используемых БАК, европейские учёные и инженеры разработали вместе с коллегами из ОИЯИ. И теперь ЦЕРН в качестве партнёра делится своими достижениями для проекта ещё более современного коллайдера NICA,который создаётся в Дубне. Международный коллайдер NICAОИЯИ – это младший брат Большого адронного коллайдера.

Полный комплекс теоретических проблем для постановки экспериментов на коллайдере NICA описывает так называемая Белая книга проекта. Свои 104 предложения туда внесли188 физиков из 70 научных центров 24 стран мира. В августе прошлого года протокол о намерениях войти в международную коопе-

рацию эксперимента NICA на правах полноправных членов подписали 6 стран: Беларусь, Болгария, Германия, Казахстан, Россия, Украина.

Коллайдер NICA в России получил официальный статус научного мегапроекта с отдельной программой финансирования. В мае 2013г. в Дубне прошла рабочая встреча руководителей Исполнительного комитета Еврокомиссии по развитию исследовательской инфраструктуры и координации совместных научных мегапроектов с руководителями Минобрнауки РФ и дирекцией ОИЯИ.

Гуманитарный диалог между Россией и Европой, который ведёт ОИЯИ на языке науки, значительно расширяет пространство общения двух сторон и облегчает принятие взаимовыгодных решений. В качестве оптимизационных преимуществ такого диалога можно выделить следующие:

- использование возможностей межстранового исследовательского диалога в сочетании национальных черт научного менталитета европейских исследователей,
- сочетание разных стратегий поддержки науки в европейских и неевропейских странах,
- копродукция (аналогично кинематографу) как средство продвижения идей и результатов исследований,
- Независимая экспертная оценка и поддержка исследовательских проектов самого высокого уровня,
- сетевая структура исследований в странах-участницах ОИЯИ.

Стоит напомнить также и о том, что обмен исследователями стран-участниц ОИЯИ способствует установлению и расширению культурных связей между народами этих стран на повседневном уровне. Именно эти связи оказываются самыми прочными в моменты критических испытаний целых государств.

В.В. Комлева[*]

НАПРАВЛЕНИЯ И УСЛОВИЯ ДИАЛОГА РОССИИ И ЕВРОПЫ В ОБЛАСТИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Необходимость диалога России и Европы в области высшего образования обусловлена, как минимум, следующими факторами:

– процессами глобализации и интеграции стран для решения актуальных социально-экономических, общественно-политических, культурных задач;

– расширяющимися международными связями России и потребностью подготовки специалистов, способных профессионально работать в условиях интеграционных процессов;

– формированием единого европейского образовательного пространства на базе подписанного Болонского Соглашения, переходом разных стран на схожую многоуровневую систему высшего образования, трансформацией системы образования в России (отменой государственных требований к программам дополнительного образования, введением сетевой формы обучения, дуального образования и др.);

– значимостью для России европейского опыта подготовки специалистов и оценки качества подготовки (в том числе путём общественно профессиональной экспертизы).

Показателем государственной важности диалога в области образования стала разработка президентской программы «Глобальное образование».

Диалог России и стран ЕС и СНГ предполагает сложные процессы сотрудничества и интеграции четырёх самостоятельных образовательных пространств: глобального, европейского, образовательного пространства стран СНГ и российского образовательного пространства. В каждой национальной модели образования есть свои особенности, условия и традиции. Наличие национальных особенностей пока детерминирует процессы диа-

---

[*] Комлева Валентина Вячеславовна, д.соц.н., зав. кафедрой зарубежного регионоведения и международного сотрудничества Российской академии народного хозяйства и государственной службы.

лога в области образования, несмотря на Болонское соглашение.

Препятствием для сотрудничества в области образования является отсутствие соглашений о взаимном признании документов об образовании. Иными словами, между странами, заинтересованными в диалоге и сотрудничестве в области высшего образования, пока не создана полноценная нормативно-правая база.

Учитывая, что такой диалог, как правило, возникает там, где есть исторические, культурные, политические связи, то наиболее перспективным представляется сотрудничество со странами СНГ. Необходимость взаимодействия в области образования была осознана ещё при создании СНГ. В последние годы заключено Соглашение о сотрудничестве государств-членов Евразийского экономического сообщества в области образования от 11 декабря 2009 г. (вступило в силу для России 14 апреля 2011 г., участники: Республика Беларусь, Республика Казахстан, Киргизская Республика, Российская Федерация, Республика Таджикистан); Распоряжение Правительства Российской Федерации от 15 мая 2013 г. № 780-р «О подписании соглашения о сотрудничестве государств-членов Евразийского экономического сообщества в области подготовки и аттестации научных и научно-педагогических кадров (работников) высшей квалификации». Исторически и культурно близкий партнёр России – Украина – в подготовке кадров ныне в большей степени ориентирована на интеграцию с ЕС.

Следующая группа субъектов, которые наряду с государством должны играть значимую роль в диалоге и сотрудничестве – это профессиональные сообщества. Профессиональные сообщества формируются из числа экспертов, работодателей, научно-педагогических работников. По мнению экспертов Всемирного Банка, идея предоставить профессиональным сообществам широкие возможности саморегулирования может быть рискованной, так как контроль и надзор могут перейти в плоскость корпоративных интересов, особенно если их качество и показатели не всегда соответствуют ожидаемым стандартам. Тем не менее, в европейском образовательном пространстве профессиональные сообщества играют значительную роль в процессе аккреди-

тации программ подготовки специалистов, оценке качества подготовки, формировании содержания образовательных программ. Такие ассоциации профессионалов вырабатывают единые требования к регулированию, организации, качеству, оценке качества подготовки.

Диалог в области образования активно ведётся на уровне отдельных поставщиков образовательных услуг – образовательных учреждений. Болонское соглашение даёт возможность заключать соглашения между вузами, выравнивать свои учебные планы, делать совместные программы – весьма перспективное направление. Однако эти процессы могут стать игрой в одни ворота. Пока российская сторона более заинтересована в программах обмена, чем наши европейские потенциальные партнёры. Студентов, знающих русский язык или желающих учиться в России на русском языке, в европейских странах немного. Выход – введение в России программ на английском языке, что в массовом порядке невозможно по причине недостаточной квалификации профессорско-преподавательского состава для решения этой задачи. Потенциально интересующийся Россией сегмент – молодёжь Восточной Европы, где когда-то учили русский язык, сегодня более ориентирована на обучение в вузах Европы и США, чем России.

Весьма перспективны совместные программы ДПО. Вывод из-под государственного контроля программ ДПО усилил конкуренцию и дал вузам бóльшую самостоятельность в их создании и реализации. Соглашения заключаются на уровне конкретных вузов в России и зарубежных вузов. Задача таких программ – обмен опытом, анализ решения схожих проблем. Однако серьёзным препятствием становится так называемый «языковой барьер», то есть незнание языков международного общения подавляющим большинством российских специалистов и незнание русского языка специалистами в зарубежных странах. В этой связи наиболее «лёгкий путь» – совместные программы со странами СНГ, где знание русского языка ещё остаётся на уровне, который позволяет освоить программы дополнительного образования.

Проблема «языкового барьера» может быть снята измене-

нием содержательного контекста образовательных программ, введением обязательных кредитов по иностранному языку.

Диалог и сотрудничество во многом зависит и от уровня информированности партнёров друг о друге. В России нет единого информационного портала, где образовательные учреждения могли бы разместить свои предложения по международному сотрудничеству и поиску партнёров. В отличие от стран ЕС поиск такой информации в России весьма затруднён. Портал управленческих кадров (взят в качестве примера, так как подготовка управленческих кадров – одно из приоритетных направлений в программе «Глобальное образование»), попытавшийся осуществить такую интеграцию, с данной работой не справился. Имеющаяся информация устарела и мало актуальна как для заказчиков, потребителей образовательных услуг, так и для потенциальных партнёров за рубежом. Поэтому европейскому вузу непросто найти партнёра в России. Взаимодействие выстраивается на личных контактах и на основе информации друг о друге, передаваемой, как правило, неформальным путём.

В заключение отмечу, что диалог в области высшего образования имеет серьёзные противоречия, не свойственные большинству других направлений международного сотрудничества.

Т.В. Пушкарёва*

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ДИДАКТИКА В ГЕРМАНИИ И РОССИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Проблема преподавания истории в средней школе никогда не носила собственно дидактического характера, она всегда тесно связана с государственной политикой, с глобальными историко-культурными ориентациями государств и их объединений, выбором определённых социально-культурных мировоззренческих моделей в разных сообществах, а также с решением вполне утилитарного вопроса о том, что именно и как следует «помнить» и «вспоминать», чтобы жить в лучшем настоящем и буду-

* Пушкарёва Татьяна Витальевна, к.филос.н., доцент Российского государственного социального университета.

щем.

Последние федеральные инициативы в России по созданию единого учебника истории Отечества могут привести к кардинальным изменениям в области дидактики истории России, в области учебного книгоиздания в сегменте истории России, который с 90-х гг. XX в. до последнего времени развивался как вариативный. Фиксация современного состояния развития исторической дидактики, сравнение её с европейской («в лице» Германии, которая играет роль не только экономического, но и культурного «локомотива» развития ЕС) позволит выявлять и отслеживать векторы дальнейшего развития как российской, так и немецкой исторической дидактики, определять актуальные координаты гуманитарного диалога между Европой и Россией в этой области.

Материалом для сравнительного анализа современной немецкой и российской исторической дидактики стали образовательные стандарты (в Германии Kerncurriculum), учебные планы, учебно-методические комплекты («Anno» (Bernhard Askani, Elmar Wagener, «Westermann Schulbuch»), «Das waren Zeiten» (Dieter Brückner, Harald Focke, «C.C. Buchner») «История Отечества» А.А. Данилова и Л.Г. Косулиной (издательство «Просвещение»)), работы ведущих специалистов в области исторической дидактики, письменные и устные высказывания ведущих немецких и российских учителей истории.

В российской школе параллельно преподаются две дисциплины – история зарубежная и история Отечества, в разных субъектах Российской Федерации они дополняются изучением истории региональной со своими учебниками, пособиями. В немецкой школе курс национальной и мировой истории един, и в комплектах истории, выпускаемых в каждой из шестнадцати земель, учитывается региональная специфика исторического процесса.

Ещё Марк Ферро в своей классической работе, критикуя советское историческое образование, не мог не отметить его систематичность, которая позволяла советским учителям уделять изучению истории «других» народов больше времени и внимания, чем это могли делать их коллеги за рубежом.

В российской школе отведено равное количество часов на изучение отечественной и зарубежной истории. О соотношении мировой и отечественной истории в немецких учебниках истории можно судить по соотношению имен, указанных в стандарте для 9 и 10 класса: 72% называемых в учебнике имён приходится на Германию, 14,4% – на Россию, по 7,2% – на США и Францию. Помимо самих уроков истории в немецких школах дети получают исторические знания также на уроках социологии (или политики) – аналог российского обществознания, а также обязательных религиозных (или этических) занятиях. При равном количестве часов на изучение истории в российской школе предлагается учебный материал, как минимум, в два раза больший, чем в немецкой школе, что затрудняет развитие проблемного подхода на школьных занятиях истории в России.

Современные российские учебники истории типологизируются, исходя из понимания их авторами основ исторического процесса: как истории государства (традиционное для отечественной дидактики), истории людей или истории цивилизаций (инновационные подходы для отечественной дидактики), – и исходя из методических взглядов создателей учебников: степени претворения в них деятельностного, или проблемного, подхода.

Для немецких учебников, с 5 по 8 класс включительно, характерно цивилизационное понимание исторического процесса. При этом рассматривается преимущественно история Европы (Древний Восток, Античность, Средние века, Новое время изучаются как этапы формирования европейской культуры). В 9 и 10 классе, то есть при изучении XX в., история государства играет всё бóльшую роль в изложении материала.

Современная историческая дидактика в Германии во многом опирается на парадигму «memory studies» – междисциплинарное направление современной гуманитаристики, направленное на изучение исторической, культурной, социальной, групповой памяти в современных обществах и обществах прошлого. С 80-х гг. XX в. при активном участии французского историка Пьера Нора оно приобрело характер своеобразной интеллектуальной моды, что связано с проводимой стратегией идейного

культурного сопровождения объединённой в новое экономическое и политическое пространство Европы, задачами конструирования соответствующей этому экономическому базису совместного исторического сознания, культуры исторической памяти и европейской идентичности[35].

Формирование «культуры исторической памяти» в немецкой школе предполагает включение в учебный процесс индивидуальных воспоминаний свидетелей исторических событий. Весьма популярны встречи школьников с очевидцами тех или иных исторических событий (для чего созданы Биржи профессиональных исторических свидетелей, членами которых бывают обычно одинокие пожилые люди). Эти в определённом смысле бесстрашные практики (зачастую возникают непростые ситуации, когда приглашённый на урок свидетель в непринуждённой беседе начинает говорить что-то «не то») – настоящее ноу-хау немецких коллег. Формирование культуры воспоминаний предполагает сознательное изучение «политики памяти» своего Отечества и других государств в сравнении. Заметным событием стал выход в свет немецко-французского 3-томного учебника для старших классов гимназий «Европа и мир» (Daniel Henri, Guliiaume Le Quintrec, Peter Geiss, «Ernst Klett Verlag»), где впервые вводится специальная глава, посвящённая культурам воспоминаний о Второй мировой войне, сложившихся в разных странах – Германии, Франции, России, США.

В немецкой культурологической и дидактической традиции разработаны новые категории для осмысления процесса создания согласованной гражданской версии истории и способов её трансляции: речь идёт о понятиях инклюзивной и эксклюзивной исторической памяти. «Воспоминания одинаково вредны и полезны для выживания, они средство разжигания насилия и одновре́менно средство умиротворения. Так же как задачей психотерапии является нейтрализация и перевод в позитивное русло индивидуальных воспоминаний, сдерживающих развитие индивидуума, так и задачей культурологического исследования должно быть ...раскрытие опасной динамики коллективных воспо-

[35] Пингель Ф. Национальная история и/или европейская история. Учебник: десять разных мнений. «Eszinija», 2000.

минаний и разработка объективных критериев определения их негативного потенциала. Вот несколько вопросов, которые помогут в таком анализе конструкций исторической памяти:

– закрыта она или открыта: может ли историческая память соперничать с исторической истиной или она отгораживается от неё?;

– эксклюзивна или инклюзивна конструкция исторической памяти: как много противоречий внутри себя она может допускать?;

– организуется конструкция исторической памяти вокруг идеи гордости или вокруг идеи жертвы?;

– экстернализация или интернализация: предполагает ли конструкция исторической памяти признание исторической вины или нет?;

– историческая память эгоцентрична или миролюбиво уживчива: каким образом она обходится с соседями – носителями другой исторической памяти?»[36].

Два пункта этой культурологической исследовательской программы как раз касаются инклюзии (включения) и эксклюзии (исключения) исторической памяти. Если в основе модели инклюзивной исторической памяти лежит бинарная оппозиция «Я» и «Другой», то в основе модели эксклюзивной исторической памяти – оппозиция «Я» и «Чужой».

Российские дидакты в качестве приоритетной задачи до последнего времени видели «поиск оптимального соотношения отечественного и международного опыта в построении системы исторического образования», а также в том, чтобы «обеспечить оптимальный для российского общества баланс между универсальными мировыми ценностями и национально-культурной самобытностью»[37].

Итак, традиции исторического школьного образования, сложившиеся сегодня в двух странах, и соответствующее им учебно-методическое обеспечение демонстрируют определённые

---

[36] Assman A. Der lange Schatten der Vergangenheit. Erinnerungskultur und Geschichtspolitik. München, C.H.Beck, 2006. 320 S. S. 277.

[37] Вяземский Е.Е., Стрелова О.Ю. Теория и методика преподавания истории. М., Владос, 2003. С. 6-7.

различия. В Германии предлагается изучение единой истории (включающей мировое, национальное, региональное, а также новое европейское измерение), что является существенной поддержкой инклюзивной исторической памяти. Здесь укрепилось понятие культуры исторической памяти, разработка и внедрение которого позволяет также успешно развивать инклюзивный характер исторической памяти. Важным элементом инклюзивной исторической памяти становится включение в процесс обучения противоречивых воспоминаний отдельных групп, тем самым усиливается антропологическое измерение истории. Если содержание немецких учебников выстраивается в парадигме цивилизационного подхода, то в российских учебниках в бóльшей степени просматривается государственническая линия. В России всемирная, отечественная и региональная история преподаются в качестве отдельных дисциплин и сопровождаются своими учебниками и учебными пособиями. Сложившаяся в отечественной школе структура преподавания истории скорее ориентирована на формирование эксклюзивной исторической памяти. Планирующееся ограничение вариативности учебного книгоиздания в сегменте учебников отечественной истории усиливает эту традиционную ориентацию школьного исторического образования на формирование эксклюзивной исторической памяти, в то же время оставляя резерв для развития инклюзивной исторической памяти в школьных курсах зарубежной и региональной истории.

Г.В. Боголюбова*

КУЛЬТУРА – ВЫСШАЯ ЦЕННОСТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ (ВЗГЛЯД ИЗ РОССИИ)

Вопрос о взаимоотношениях властных и общественных структур с представителями молодого поколения, несмотря на кажущуюся простоту, очень сложен. С одной стороны, я могу лично обратиться к молодому человеку и спросить, интересны ли ему молодёжные программы и выступает ли он в защиту

---

* Боголюбова Галина Васильевна, президент Славянского фонда России, член Союза писателей России.

культурно-духовных ценностей, и он скажет, что да. Однако, несмотря на заинтересованность молодёжи в сотрудничестве и обсуждении многих актуальных проблем общества, в то же время необходимо выбрать формат такого взаимодействия, учитывая, что средства пропаганды культурных ценностей среди молодёжи тоже должны быть молодёжными, соответствующими интересам молодого поколения. Для этого используется глобальная информационная сеть, но можно также использовать и локальные мероприятия, такие как фолк-фестивали, клубы исторической реконструкции, различные молодёжные культурно-просветительские движения, и в их рамках уже работать по популяризации духовно-культурных ценностей.

И если у нас будут показывать достаточно большое количество фильмов по истории, культуре, современные экранизации классических произведений, то всё это будет работать, пусть и опосредованно, на просвещение и образование, а также на формирование у молодого поколения интереса к истории и культуре своей страны.

Для этого, по сути дела, должна быть разработана специальная государственная программа. Например, очень хорошо освещает проблемы культурного и духовного наследия телеканал «Культура». Хотелось бы, чтобы таких передач было больше. В рамках других телеканалов и телепроектов, которые находятся на государственном финансировании, и даже на коммерческих телеканалах, можно использовать игровые шоу по пропаганде культуры; также следует показывать больше новостей о культуре. Наконец начал работу телеканал «История», надеемся, что неиспользованный пласт документально-публицистических фильмов по истории и культуре, будет доступен для миллионов телезрителей глубинки. Фактически речь идёт о том, что надо вкладывать средства в пропаганду культурного наследия и использовать при этом все современные информационные технологии.

Отдельно остановлюсь на содержании Законодательных актов в сфере культуры.

1. Мы снова и снова возвращаемся к закону № 94-ФЗ (о товарах и услугах), который не только не уменьшил коррупцию,

а, наоборот, способствует её развитию. То же самое касается и бюджетного кодекса, который в разных регионах трактуется по-разному. Так, например, в Москве, выделение субсидий некоммерческим организациям на проведение социально-культурных и просветительских программ привело к тому, что бюджетная поддержка стала невозможна без капиталовложения самой некоммерческой организации в данный проект, в результате чего многие просветительские и благотворительные организации прекратили своё существование.

2. Закон о ввозе и вывозе культурных ценностей, где пошлинные льготы предусмотрены для физических лиц, в ущерб государственным музеям, которые платят двойную пошлину и за ввоз и за вывоз, из-за чего сокращается экспозиционный обмен между государственными музеями.

3. Нам необходимо внести поправки в сферу налогообложения на имущество для учреждений культуры, образования и науки, иначе часть из них, особенно негосударственные могут просто закрыться из-за неуплаты налогов.

К процессу культурного развития человечества должны быть привлечены как государственные институты, так и институты гражданского общества. Безусловно, успехов в сохранении культурного и духовного наследия мы можем добиться только тогда, когда будем действовать сообща.

В 2012–2014 гг. были выпущены следующие доклады Института Европы

283. Испания после парламентских выборов. Прогнозный анализ. Под ред. В.Л.Верникова. ДИЕ № 283, М., 2012 г.
284. Большое Причерноморье: поиск путей расширения сотрудничества. Под ред. А.А.Языковой. ДИЕ № 284, М., 2012 г.
285. Россия и государства Апеннинского полуострова на современном этапе. Под ред. Ал.А.Громыко. ДИЕ РАН № 285, М., 2012 г.
286. Перемены в Европе: возможны ли альтернативные модели. Под ред. Ал.А.Громыко, Т.Т.Тимофеева. ДИЕ РАН № 286, М., 2012 г.
287. Что Россия ждёт от Европейского союза? Под ред. Н.Б.Кондратьевой. ДИЕ РАН № 287, М., 2013 г.
288. Глобальные дисбалансы и кризисные явления в мировой экономике. Часть I. Под ред. А.И.Бажана, К.Н. Гусева и др. ДИЕ РАН № 288, М., 2013 г.
289. Глобальные дисбалансы и кризисные явления в мировой экономике. Часть II. Под ред. А.И.Бажана, К.Н. Гусева и др. ДИЕ РАН № 288, М., 2013 г.
290. Юго-Восточная Европа: между прошлым и будущим. Под ред. А.А.Языковой. ДИЕ РАН № 290, М., 2013 г.
291. Глобальное управление в XXI веке: инновационные подходы. Под ред. Ал.А.Громыко. ДИЕ РАН № 291, М., 2013 г.
292. Большая Европа в глобальном мире: новые вызовы – новые решения. Под ред. Ал.А.Громыко. ДИЕ РАН № 292, М., 2013 г.
293. Е.В.Ананьева. От «нового лейборизма» к «прогрессивному консерватизму». ДИЕ РАН № 293, М., 2013 г.
294. Германия. 2012. Часть I. Под ред. В.Б.Белова. ДИЕ РАН, № 294, М., 2013 г.
295. Германия. 2012. Часть II. Под ред. В.Б.Белова. ДИЕ РАН, № 295, М., 2013 г.
296. Глобальные риски XXI века: пределы регулирования. Под ред. Н.П.Шмелёва и др. ДИЕ РАН, № 296, М., 2013 г.
297. Ю.И.Рубинский. Ценностные ориентиры Европы. ЮИЕ РАН, № 297, М., 2013 г.
298. А.Д.Хайтун. Россия на европейском энергетическом рынке. Часть I. ДИЕ РАН, № 298, М., 2013 г.
299. А.Д.Хайтун. Россия на европейском энергетическом рынке. Часть II. ДИЕ РАН, № 299, М., 2013 г.
301. Восточное партнёрство до и после Вильнюса. Под ред. АА. Языковой. ДИЕ РАН, № 301, М., 2014 г.

«Reports of Institute of Europe» published in 2012–2013

283. Spain after the parliamentary election. The prognosis. Ed. by V.L.Vernikov. Reports of the IE RAS, № 283, M., 2012.
284. Great Black Sea area: the quest for enhanced cooperation. Ed. by A.A.Yazkova. Reports of the IE RAS, № 284, M., 2012.
285. Russia and the Apennines states in the contemporary world. Ed. by Al.A.Gromyko. Reports of the IE RAS, № 285, M., 2012.
286. Changes in Europe: are alternatives possible. Ed. by Al.A.Gromyko, T.T.Timofeev. Reports of the IE RAS, № 286, M., 2012.
287. What does Russia expect from the European Union? Ed. by N.B.Kondratyeva. Reports of the IE RAS, № 287, M., 2013.
288. Global imbalances and world economy crises. Part I. Ed. by A.I. Bazhan, K.N.Gusev and others. Reports of the IE RAS, № 288, M., 2013.
289. Global imbalances and world economic crisis. Part II. Ed. by A.I. Bazhan, K.N.Gusev and others. Reports of the IE RAS, № 289, M., 2013.
290. South-Eastern Europe: between the past and the future. Ed. by A.A.Yazkova. Reports of the IE RAS, № 290, M., 2013.
291. Global Governance in the XXI Century: Innovative Approaches. Ed. by Al.A.Gromyko. Reports of the IE RAS, № 291, M., 2013.
292. Wider Europe in the Global World: New Challenges – New Solutions. Ed. by Al.A.Gromyko. Reports of the IE RAS, № 292, M., 2013.
293. E.V.Ananieva. From New Labour to Progressive Conservatism. Reports of the IE RAS, № 293, M., 2013.
294. Germany. 2012. Part I. Ed. by V.B.Belov. Reports of the IE RAS, № 294, M., 2013.
295. Germany. 2012. Part II. Ed. by V.B.Belov. Reports of the IE RAS, № 295, M., 2013.
296. Global risks in the XXI century: limits of regulation. Ed. by N.P.Shmelev and others. Reports of the IE RAS, № 296, M., 2013.
297. Yu.I.Rubinski. Main trends of the European values. Reports of the IE RAS, № 297, M., 2013.
298. A.D. Haitun. Russia on the European Energy Market. P. I. Reports of the IE RAS, № 298, M., 2013.
299. A.D. Haitun. Russia on the European Energy Market. P. II. Reports of the IE RAS, № 299, M., 2013.
301. Eastern Partnership before and after Vilnius. Ed. by A.A.Yazkova. Reports of the IE RAS, № 301, M., 2014.